

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ ТИНА ЛУКЬЯНОВА

Сорванная помолвка

Тина Лукьянова

Бронислава Антоновна Вонсович

Сорванная помолвка

Серия «Клуб весёлых чародеек»

Серия «Лисандра Берлисенсис», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29420763

Сорванная помолвка / Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова: Эксмо;

Москва; 2018

ISBN 978-5-04-092152-2

Аннотация

Надоело прозябать в нищете? Если ты молода, красива, не обделена магией да к тому же еще знатного рода, есть надежда, что это кому-нибудь нужно. И правда, на ловца и зверь бежит – вот уже бабушкина давняя подруга шлет магографию выгодного жениха. Молодой, красивый, богатый... Но вот беда – мнением «будущего мужа» поинтересоваться забыли, а он-то вовсе и не желает жениться... Однако Судьба уж если что решила, то найдет и тебя, и его, где бы вы ни прятались. Найдёт и осчастливит. Или, по крайней мере, попробует...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	41
Глава 3	58
Глава 4	77
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова Сорванная помолвка

Пролог

Фьордина Берлисенсис не стала ходить вокруг и около:

– Бруно, у нашей семьи – серьезные проблемы. После того как нас арестовали по ложному доносу, многое изменилось.

– Так доказали же, что мы ни в чем не виноваты. Всё вернули.

– Не всё вернули, – резко ответила она. – Репутация семьи оказалась запятнанной, и пятна эти не только не исчезают, но и увеличиваются в размерах, грозя нас окончательно очернить.

– Бабушка, ты преувеличиваешь.

– Ничуть, – отрезала фьордина. – Все эти шепотки, что не удалось дать взятку и подкупить следствие, были бы не так страшны, если бы с ними не шли другие факторы. Первое. Этот мерзкий демон, который крутится все время рядом и пытается предъявить на вас права.

– С его стороны это естественное желание, – заметил Бруно. – Папа – его единственный сын.

– Не перебивай, – холодно сказала бабушка. – Отец твоего отца – мой покойный муж, и только так. Не нужно ворошить прошлое, которое к тому же обрастает кучей ненужных слухов о нашей неполноценности. И второе. История с твоим приворотом...

Она сделала выразительную паузу. Но Бруно в разъяснениях и не нуждался. Страшно подумать, чем могла обернуться история с приворотом той безголовой девицы. Сам он отделался легким испугом, а вот бабушке приходится за все расплачиваться...

– Так вот, Брунито, считаю, что для семьи Берлисенсис я сделала все, что было в моих силах, и даже больше, – неожиданно сказала бабушка. – Настал твой черед.

– Хочешь, чтобы я завербовался в армию? – предположил внук.

– Нет. Думаю, тебе необходимо жениться, и как можно скорее. Во-первых, пресечешь слухи о своих проблемах. Да-да, они активно ходят. А во-вторых, в семью нужно влить кровь хорошего старинного рода, чтобы окончательно вывести эти нездоровые примеси. Берлисенсисы всегда гордились чистотой крови.

На это заявление Бруно невольно хмыкнул. Как-то не получалось у него гордиться после того, как узнал, что ему самому в детстве купировали хвост. А тут еще новоявленный дедушка пристает с регенерацией. Говорит, хвост – главное украшение мужчины, и он не понимает, как от такого можно

отказываться.

– Не вижу ничего смешного, – сухо сказала бабушка. – Слухи останутся в прошлом, а род Берлисенсисов – нет. И твоя задача – этот род продолжить. И не абы с кем.

Бруно это предложение не понравилось. Не чувствовал он в себе готовности начать продолжать род прямо сейчас, пусть и не абы с кем.

– Не лучше ли подождать, пока слухи утихнут?

– Не лучше, – недовольно ответила бабушка. – Пока ты не женишься, они будут только расти. Уже сейчас твердят, что черномагический ритуал привораживания нанес непоправимый ущерб твоему... мужскому здоровью.

– Наглое вранье! – невольно возмутился Бруно.

– Конечно, дорогой, – довольно улыбнулась фьордина Берлисенсис. – Уверена, тебе не составит труда доказать обратное.

– Бабушка, – попытался зайти он с другой стороны, – но ты же прекрасно понимаешь, что сейчас я не поддерживаю отношений ни с одной фьордой из подходящего рода в достаточной степени, чтобы сделать ей предложение.

– Предоставь это мне.

Бруно согласился, подумав, что возможности бабушки сильно ограничены, пока она не может нанести визит лично, и у него будет время что-то придумать. Чем он и занялся по дороге домой.

Грифон мерно размахивал крыльями, а Бруно с тоской

вспоминал Фелан, свою бывшую девушку. Подумать только, из-за какой глупости они расстались! Каким же он был идиотом, что позволил любимой выйти за другого! Появись возможность вернуть время назад, он бы никогда не потребовал сделать ее ушки – восхитительные полуэльфийские ушки – похожими на чистокровно человеческие. Она тогда ужасно оскорбилась и так и не смогла его простить.

Бруно стукнул себя кулаком по лбу. Нет, какой же он болван! Разве он сможет быть счастливым с кем-то другим? А она? Счастлива ли она со своим адвокатом? А вдруг – нет? Вдруг только и ждет, когда он позвонит? Но тогда...

Мысли Бруно лихорадочно заметались. Тогда он на ней женится. Да, в семье раньше не было ни разводов, ни браков с разведенными. Но после череды скандалов, накрывшей семью в последнее время, кому какое дело до прошлого его жены и ее ушей? Да семья теперь любой будет счастлива. Не зря же бабушка уверена, что его женитьба заткнет рот всем сплетникам? Вот он и женится. Бруно подрагивающими руками начал набирать на переговорном артефакте памятную комбинацию.

Любимая ответила сразу.

– Фелан, нам надо поговорить, – с трудом выдавил он, удивляясь неповоротливости своего языка.

– Надо? Давай, – легко согласилась она. – Я тебя слушаю.

– Это не магофонный разговор. Буду ждать тебя сегодня в шесть вечера, в нашем любимом ресторанчике.

– Даже так? Заинтриговал. Но сегодня не могу. Только завтра.

– А сегодня совсем никак?

– Я даже не во Фринштаде, – рассмеялась она своим изумительным серебристым смехом. – Нет, Бруно, совсем никак. Думаю, если разговор терпит до вечера, то и до завтра подождет. Завтра вечером я приду.

Ее согласие подарило Бруно надежду. Надежду на то, что невзгоды, в последнее время усиленно его преследующие, останутся в прошлом. Впервые за долгое время он был счастлив, даже засыпал с улыбкой на губах.

Утром его разбудила противная трель переговорного артефакта. Бруно, не открывая глаз, нащупал зудящий источник беспокойства, и в голову ввинтился громкий требовательный голос бабушки:

– Бруно, я нашла тебе невесту.

– Кого? – опешил внук.

– Невесту, – повторила бабушка. – Внучку моей давней подруги по пансиону. Девушку из очень достойной семьи.

– По-твоему, я не в состоянии найти невесту сам? – оскорбленно спросил Бруно.

– Бруно, мы вчера это обсуждали, – напомнила бабушка. – Сейчас у семьи трудное положение, и сделать это не так-то просто. Радуйся, что хоть одна согласилась. О помолвке мы с Фелисией договорились. Твое дело – встретить девушку и устроить ее в доме родителей до свадьбы. Поскольку ты там

не живешь, приличия не нарушаются.

— Но я не собираюсь жениться непонятно на ком! — вскричал Бруно. — У меня совсем другие планы!

— Это не непонятно кто! — оскорбилась теперь уже бабушка. — Достойная девушка из достойной семьи. Дульсинея Кихано. Она прибывает экспрессом сегодня вечером в семь. И ты ее встретишь. Я бы встретила сама, но ты прекрасно понимаешь, что не могу.

— Мы можем друг другу не понравиться, — сделал он очередную попытку.

Бруно возмущенно засопел. Очень некрасиво со стороны бабушки намекать, что в своем нынешнем положении она оказалась, когда спасала его, Бруно. Знает, на что надавить, чтобы не получить отказ сразу.

— В случае вашего брака мы оплачиваем часть долга семьи Кихано, — с усмешкой сказала неумолимая бабушка, — так что ты ей понравишься. На какие только жертвы не идут женщины ради семьи!

Брак с ним — жертва? Бруно засопел с еще большим возмущением. Он хоть сейчас мог предоставить целый список тех, кто за него пошел бы с радостью. И не пошел бы, а побежал, да еще с возможным ускорением. Он способен составить счастье любой. Но ему самому нужна только Фелан, и никто более.

— А если она мне не понравится? — с вызовом спросил он бабушку.

– Понравится, – отрезала бабушка. – Это не обсуждается. Отправляю тебе магографию, можешь начинать влюбляться. До семи часов как раз успеешь. В прошлый раз тебе времени меньше понадобилось.

– В прошлый раз был приворот, – убито сказал внук, даже не открывая пришедшую магографию.

Будет он еще на всяких нищих девиц любоваться.

– Предлагаешь мне оплатить новый? – любезно поинтересовалась бабушка. – Бруно, встретить Дульче – твой долг.

До внука дошло, что немедленной женитьбы от него не требуют, а до предполагаемой даты брака может много чего случиться. К примеру, он не понравится девушке настолько, что она сбежит, посчитав, что жертва с ее стороны слишком велика. Вероятность, конечно, маленькая, но ничего, он что-нибудь придумает, время еще есть.

– Во сколько приезжает ваша Дульче? – небрежно переспросил он.

– В семь.

– В семь? В семь я никак не могу, – запротестовал Бруно. – У меня дела.

– Отложишь свои дела на день, ничего с ними не случится. Экспрессы ходят строго по расписанию, а фьорда уже выехала.

Ну и невесту бабушка выбрала! Еще не появилась, а уже создает проблемы. Другого времени эта девица выбрать никак не могла. Да и вообще, что хорошего можно думать о

фьорде, которая соглашается выйти за того, кого ни разу не видела?

Или видела? Бруно задумался. Его магографии время от времени появлялись в газетах. Качество так себе, но стремление девушки выйти за него замуж становилось понятным.

– Нормальные люди пользуются телепортами, – проворчал он.

– Чем ты слушал? У их семьи серьезные финансовые проблемы. Иначе согласие на помолвку получить не удалось бы ни за что. Междугородний телепорт значительно дороже экспресса.

– Могла бы им денег отправить.

– Я предлагала. Девушка отказалась.

Голова Бруно работала в авральном режиме. Его совсем не привлекала перспектива встречать провинциальную, плохо одетую девицу в то время, когда назначена встреча с Фелан. И если бы только встречать! Предполагалось, что он на ней женится! Женится на девице, которую раньше и знать не знал? Легко говорить бабушке, что это его долг. Жить-то с этим долгом придется ему, а не ей. И отделаться от него не получится – в семье Берлисенсисов разводов нет.

Обижать отказом бабушку, которой стольким обязан, нельзя. Вот если бы эта фьорда от него отказалась сама... Надежд на это после личной встречи не останется. Значит, личной встречи быть не должно. Но и не встретить девушку нельзя. Дилемма... Пропустить встречу с Фелан немыс-

лимо, вдруг она обидится еще на два года? Вот бы эту невесту встретил кто-нибудь другой! Может, мама согласится?

И тут его осенило. Он наймет актера, чтобы тот сыграл его, Бруно. И сыграл так, чтобы девица вспылала к нему отвращением и думать позабыла о надежде стать фьординой Берлисенсис. Она уедет сама, а пока бабушка будет уговаривать еще чью-нибудь внучку, Фелан освободится от уз ненавистного брака и выйдет за него. Прекрасный план.

– Бруно, что ты молчишь? – сказала бабушка. – Ты встретишь фьорду?

– Когда я тебя подводил? Невстреченной она не останется, не бойся. Все пройдет как надо. Хорошего дня. Прости, у меня еще много дел.

– Хорошего дня, дорогой.

Бруно бросил артефакт связи на кровать и задумался. Он понятия не имеет, где искать актера. Требуется хотя бы минимальное сходство. Вдруг у девушки при себе различитель иллюзий? А так будет уверена, что некоторые отличия – следствие некачественных магографий, над которыми она проводила время в мечтах стать фьординой Берлисенсис.

Не все мечты сбываются, детка. Сегодня ты это поймешь. Но где найти нужного актера? И тут Бруно осенило. Агентство! Ну конечно, непременно должно быть агентство по подбору!

Бруно подскочил и заметался по квартире в поисках справочника. Агентство действительно нашлось. Бруно сначала

хотел связаться по артефакту, но потом посмотрел, что оно совсем рядом, и решил сходить. Личное присутствие надежней. Сразу можно просмотреть кандидатуры.

Скучавший агент, поначалу с чего-то решивший, что Бруно собирается вставать у них на учет, необычайно оживился, узнав, что перед ним – потенциальный клиент.

– Вы сделали правильный выбор, – затараторил он. – Наше агентство – самое известное, с самой крупной базой актеров. Мы удовлетворим любые ваши запросы.

Бруно окинул взглядом маленькое пыльное помещение с обшарпанной мебелью и нахмурился. И это – самое известное агентство? Подберут кого попало, а ему потом расхлебывать.

– В нашей базе есть актеры всех театров города, – продолжил агент, сразу уловив сомнения посетителя и желая их немедленно рассеять. – Вы только скажите, кто вам нужен. Немедленно подберем и свяжемся.

– Всех театров? – недоверчиво переспросил Бруно.

– Абсолютно. Есть кандидатуры на любые роли. Но сразу предупреждаю: чем опытней актер, тем больше берет за свои услуги. А вот молодого можно найти почти даром.

– А если мне нужен молодой, но опытный?

– Опыт не всегда определяется возрастом, – обрадовался агент, почувствовав, что клиент на крючке. – Вам какого возраста?

– Примерно моего, – решил Бруно. – Чтобы был похож.

И чтобы непременно опытный. Не нужно мне неофитов от искусства.

Он сурово сдвинул брови и посмотрел на собеседника с вызовом. Но того такими штучками пронять было сложно. Агент уже невозмутимо рылся в картотеке, приговаривая вполголоса:

– Блондин, примерно двадцати пяти лет, высокий, хорошо сложенный. Что тут у нас есть? А вот что.

Агент начал доставать одну за другой карточки актеров и выкладывать их перед Бруно. Бруно нехотя стал перебирать. Этот совсем на него не похож, и вообще урод. Этот – слишком смазлив, плечи узкие и тоже не похож. Бруно недовольно посмотрел на ожидавшего решения агента. У того что, проблемы со зрением? Или он думает, что проблемы со зрением у клиента?

Агент невозмутимо молчал, и Бруно вернулся к просмотру магографий. Этот вроде ничего... Нет, староват. Этот... пожалуй, подойдет. И этот. И вот этот. Таким образом Бруно отложил пять магографий и стал внимательно изучать послужной список кандидатов. О, Главный Фринштадский Драматический Театр! То, что нужно!

– Этот, – воодушевленно сказал Бруно, подсовывая агенту магографию прямо под нос в расчете на то, что даже с плохим зрением тот не перепутает.

– Сейчас будем договариваться, – обрадованно сказал тот, роясь в своих записях. – Вам на когда и на какое время?

– На сегодня, с семи, часа на три.

С агента в один миг слетела невозмутимость.

– На сегодня? На вечер? Вы как это себе представляете?

О таких вещах договариваются заранее. В театрах вечерние спектакли, не забывайте.

– Я очень хорошо заплачу, – с нажимом сказал Бруно. – И вам, и ему.

– Понимаете, фьорд, у него может быть договоренность на это время, – с сомнением в голосе ответил агент. – Нерасторжимая договоренность.

– Так узнайте. – Бруно недовольно постучал раскрытой ладонью по столешнице. – Вдруг сегодня удача на моей стороне?

Так и оказалось. Актер был свободен и согласился оказать столь незначительную услугу за оговоренную плату. Чтобы обсудить детали, они встретились в торговом центре. Бруно передал деньги и сбросил магографию девушки, еще раз подчеркнув, что сыграть роль нужно так, чтобы она гордо развернулась и уехала.

– Все будет в лучшем виде, – усмехнулся актер. – Поклонниц отшивать я прекрасно научился.

– Поклонниц? – Бруно нахмурился. – А вас не узнают? Иллюзии использовать нельзя, сразу предупреждаю.

– Какие иллюзии? – возмутился актер. – Я – профессионал. Немного грима – и вас от меня даже родная мать не отличит.

– Родная мать, может, и не отличит, а вот бабушка...

Бруно начал сомневаться в успехе задуманного. Нужно было брать кого-то менее именитого.

– А бабушка там тоже будет? – уточнил актер. – Кажется, речь шла только о девушке, которая вас никогда не видела.

– Бабушка? Нет конечно. – Бруно даже поперхнулся от ужаса при мысли, что его маленькая хитрость станет известна. – Только девушка.

– Ну и прекрасно. Как ее зовут?

Бруно наморщил лоб в попытке вспомнить. Бабушка же называла имя. И не один раз. В голове что-то вертелось, но всплывать не желало. Он с огорчением посмотрел на собеседника, но тот уже открыл магаграфию и изучал описание.

– Дульсинея Кихано.

– Дульче! Ну конечно! – просиял Бруно.

– Девушка-то – настоящая красotka, – заметил актер. – Уверены, что не пожалеете?

Бруно снисходительно на него посмотрел. Какая там красotka? Перед его любимой Феланиэль меркнут все. Даже если бы и не меркли – ему никто не нужен. Он выбор сделал и не отступится.

– Если возникнут проблемы, я все время на связи, – сказал он, вставая из-за столика.

– У меня проблем не бывает, – усмехнулся актер. – Свяжусь, как решу вашу.

Бруно небрежно кивнул на прощание. Больше беспоко-

иться о навязанной невесте он не собирался. Все мысли занимало совсем другое. Фелан. Сегодня они помирятся. И все станет как раньше.

В ресторан он прибыл заблаговременно, тщательно одетый и побритый. Даже душ принял перед выходом. Вдруг Фелан захочет немедленно приступить к решению задачи по обеспечению рода Берлисенсисов наследником? Но любимая не торопилась. Не только решать проблемы Берлисенсисов, но и на свидание приходить. Минуты шли и шли, а она не появлялась. Бруно понимающе улыбнулся. Хочет напоследок помучить. Ну ничего, он все простит.

И вот наконец – ОНА. Бруно бросился навстречу. Фелан приветливо кивнула, но обнять себя не позволила. В самом деле, она же еще замужем, а он пытается ее скомпрометировать. Нехорошо. Ну ничего, у них впереди вся жизнь. Для объятий, и не только.

– Бруно, зачем ты меня позвал? – спросила Фелан. – Я пришла и внимательно тебя слушаю.

Она улыбнулась совсем как раньше, и Бруно уверился: все плохое позади, а впереди – лишь безоблачное совместное счастье. Поэтому тянуть он не стал, выпалил сразу, без предварительной подготовки в виде улыбок и комплиментов.

– Фелан, я так тебя люблю! Ты меня достаточно наказала. Разводись с этим своим... – Он пощелкал пальцами, как бы припоминая имя мужа Фелан, – и выходи за меня. Поженемся сразу после твоего развода. И безо всяких операций

на ушах.

Он довольно улыбнулся, ожидая с ее стороны бурной радости. Но радости не было, лишь некоторая озадаченность.

– Бруно, сколько мы с тобой встречались? – спросила она.

– Три года.

– И за эти три года ты меня совсем не узнал, если считаешь, что я могла выйти замуж без любви, тебе назло? Бруно, пойми, я люблю своего мужа.

– Любишь? – недоверчиво сказал он, уверенный, что его разыгрывают. – Ты думаешь, я в это поверю?

– Твое дело, – пожала плечами Фелан.

Подошедший официант поставил перед ними две папочки с меню, произнес радостную речь о том, что они не могли сделать лучший выбор места ужина, и отошел.

– Фелан, ты с ума сошла! – сказал Бруно, лишь только они остались без свидетелей. – Сама подумай – кто он, а кто я? Подумай и сделай правильный выбор.

– Кто он? – усмехнулась Фелан такой знакомой родной улыбкой, что у него защемило в груди. – Он – успешный самодостаточный фьорд. Один из лучших адвокатов столицы, если уже не лучший. О его гонорарах ты знаешь, не так ли? И все это за каких-то два года. Да даже не будь этого всего... Бруно, я его люблю, понимаешь?

– Но ты согласилась со мной встретиться, – удивленно сказал он. – Зачем?

– Не знаю, – ответила Фелан. – Мне кажется, в наших от-

ношениях до сих пор не поставлена точка. Тобой не поставлена, не мной. А без этого ты не сможешь быть счастлив.

– Фелан, а ты уверена, что с твоей стороны – именно точка? – спросил он, осененный новой мыслью. – Помнится, ты хотела детей, а в вашем браке их нет. А вот в нашем точно будут. Столько, сколько захочешь.

Фелан рассмеялась своим изумительным серебристым смехом, похожим на звон маленьких колокольчиков, и посмотрела на него так, словно ей открылось что-то новое в бывшем любовнике. Что-то такое, о существовании чего она и не знала.

– Мы решили, что я сначала закончу аспирантуру, – наконец сказала она. – Не волнуйся, у нас дети в не столь отдаленных планах. Можно сказать, мы над этим каждый день работаем.

– Но сейчас ты здесь, со мной, – с намеком сказал Бруно. – А твой муж этого не знает.

– У меня нет и не может быть от него секретов. Он ждет меня на улице, чтобы не мешать, пока мы с тобой разговариваем.

– Не доверяет?

– Мне – доверяет, тебе – нет.

Фелан опять улыбнулась, но улыбка эта была предназначена не ему, а ожидающему ее на улице мужу. И не только улыбка. Вся эта прекрасная полуэльфийка была предназначена другому.

Бруно молчал. До него наконец дошло, что любимая потеряна безвозвратно. И хотя сидит она совсем рядом, напротив, только руку протяни – и коснешься, но от него столь же далека, как если бы находилась на другом конце Фринштада.

– Прощай, Бруно, – наконец сказала Фелан с легкой грустью в голосе. – Надеюсь, ты еще будешь счастлив.

Она встала и пошла на выход своей волнующей летящей походкой. Совсем чужая и незнакомая. Не та, что была с ним рядом, что так щедро дарила свою любовь и ничего не просила в ответ.

Но променять его, Берлисенсиса, на этого ничтожного адвокатишку? Вот что никак не хотело укладываться в голове.

– Будете что-то заказывать? – склонился над столиком официант.

– Что? – недоуменно спросил Бруно.

– Ужин, – напомнил официант. – Вы собирались у нас ужинать.

– Нет, – резко ответил Бруно, встал, бросил на стол несколько бумажек из кошелька и пошел к выходу.

Ужинать в месте, где на глазах у посетителей его только что окончательно бросили, он не собирался. Нет уж, никто не будет развлекаться за его счет! Обидно, что решение проблемы оказалось не столь простым. Да уж, любимая бесповоротно счастлива с другим. А он? А ему остается лишь вернуться домой да жениться на фьорде сомнительных достоинств, которую откопала в какой-то глуши бабушка. Вот ведь

свинство какое! Трель переговорного артефакта показалась мерзкой как никогда.

– Поручение выполнено, – раздался довольный голос.

Бруно даже не сразу понял, кто это. Потом вспомнил – актер, нанятый, чтобы ненужную невесту отвадить. Ну хоть с этим разбираться не пришлось. И то счастье.

– Спасибо, – кратко сказал Бруно.

– Обращайтесь. Забавное оказалось поручение. И несложное. Девушка гордая, задеть было легко.

– Да-да, непременно, – сказал Бруно. – Еще раз спасибо.

Он отключил артефакт и с облегчением вздохнул. Хорошо, что не придется жениться прямо сейчас. Да только надолго ли эта свобода? Бруно прекрасно знал бабушку и ничуть не сомневался, что на смену одной девице, выкопанной в пыльных дружеских сундуках, найдется другая, не менее завалящая. Кого-кого, а бабушку неудача не останавливает. Она, как всякий Берлисенсис, непременно доводит начатое дело до конца. К тому же все упирается в ее маниакальное желание защитить честь рода. Но ведь защищать можно и по-другому...

«Военная служба – вот дело для настоящих мужчин. Риск одного приключения дороже тысячи дней сытого спокойного существования. Честь служить Империи – неоценима, но нашим зарплатам позавидует любой штатский. Мы ждем тебя!» – гласила сияющая разноцветными огоньками надпись на призывном пункте.

Бруно показалось, что слова обращены именно к нему. Да, вот то, что ему сейчас нужно. Обелить род службой на благо Империи куда интересней, чем немедленной женитьбой. Женить внука, находящегося в армии, намного сложнее, чем если он находится в получасе полета на грифоне.

И Бруно решительно повернул в сторону призывного пункта.

Глава 1

Сколько я себя помнила, мы экономили на всем. Денег не хватало, бабушка постоянно ворчала, что мы слишком много едим и слишком быстро растем. Но что мы могли с этим сделать? Разве что умереть во младенчестве.

Некогда наша семья процветала, на что указывал огромный пустой особняк, в котором мы жили. Сейчас в относительном порядке поддерживалось лишь несколько комнат в правом крыле около кухни, все остальное пришло в упадок. Мебель, которая стоила хоть чего-то, давно была продана, драгоценности – еще раньше.

Да что мебель! Было распродано все, кроме грифона де-душки. Но Росинант так стар, что на него не нашлось покупателя, поэтому он остался у Алонсо, моего брата. Истории о прислуге, раньше следившей за всем домом, садом, детьми, казались сказкой. Нет, дом всегда был таким – пустым и неухоженным. Стекла в некоторых окнах разбились, и ветер свободно гулял по пустым комнатам, завывая и поигрывая мелким мусором, которого было предостаточно.

Появлялись желающие купить огромное старинное здание, но бабушка всем отказывала. «Разве можно продать дом, в котором выросло столько поколений Кихано? Вот выплатим долги, – говорила она, – и заживем, как раньше».

Выплатим, как же... Денег с арендаторов земли впритык

хватало на погашение процентов, сама же сумма долгие годы была неизменной, и лишь когда брат на старших курсах нашел подработку, начала таять. Но так медленно, что не было никаких надежд, что долг выплатят при моей жизни. Маги Воздуха не столь успешны, как Земли или Огня, а значит, доходы у них гораздо скромнее.

Иногда я жалела, что нам с Алонсо достался Дар Воздуха, а не Земли. Сильный, как у дедушки. Но лучше бы у дедушки никогда не было его Дара. Все беды нашей семьи – от этого. Всю свою жизнь дедушка, в честь которого назвали брата, любил совсем не бабушку. Он бредил своей Дульсинеей, в честь которой назвали и меня.

Мне всегда казалось, что они могли бы проявить большую твердость и не давать столь дурацкого имени. Но меня тогда никто не спросил, бабушку, подозреваю, тоже. А ведь большее оскорбление для законной жены сложно придумать. Не думаю, что ей приятно вспоминать эту историю, произнося мое имя вслух, но вида бабушка не показывала, разницы в обращении со мной и младшей сестрой не было. Все делилось поровну. Впрочем, что там делить-то? Разве что долги, оставленные дедушкой. А постарался он знатно, изо всех своих немаленьких сил.

С возрастом болезненная привязанность дедушки ничуть не стала меньше. Напротив, он всячески стремился доказать своей избраннице, что лучше него нет никого на свете. Для чего использовал все доступные способы: как дорогие подар-

ки, так и показ выдающейся магической силы. И вот во время одного из таких показов выдранное из земли с корнями немаленькое дерево шлепнулось аккуратно на сладкую парочку. Любовницу убило на месте, а дедушку нехило так стукнуло по голове. И что-то у него там перемкнуло.

Трагическое происшествие, случившееся по его собственной вине, он посчитал нападением драконов и отправился с ними разбираться. Каким-то причудливым образом его внимание привлекли ветряные мельницы, в которых он углядел злобного врага и начал крушить их, лишь только они попадались ему на глаза. А сил, как я говорила, у него было очень много. К силам прибавилась еще и ярость от потери любимой.

Подходить к нему боялись. Бабушка влияния на мужа не имела и до появления в его жизни той роковой женщины, потому надежд на нее не было. Пришлось срочно искать сына, нашего отца. Прибыл он быстро, и не один. Он и мама были военными магами и посчитали, что с легкостью утихомирят разбушевавшегося дедушку. К этому времени число разрушенных мельниц уже перевалило за двадцать, и ни одна из них восстановлению не подлежала.

Странно, но в нашей семье это стало предметом гордости. Уж если за что-то берется представитель семьи Кихано, то делает это качественно, даже если не создает, а разрушает. Передвигался дедушка хаотично, куда взгляд ляжет, в основном порталами, и отлавливать его оказалось неимоверно

сложно.

На двадцать седьмой мельнице родителям удалось его настичь. Но увы, что-то пошло не так. Строение начало разрушаться, и постороннее вмешательство привело лишь к тому, что под обломками оказались все – и спасатели, и преступник. Трое детей осиротели. Военное ведомство назначило нам пенсии по утрате кормильца, которые были не слишком значительными – хватало только на еду, не больше.

Бабушка в одночасье постарела. Гибель единственного сына и позор легли тяжелым грузом на ее плечи. Легли и сломали. Она ни от кого не желала принимать помощь, выслушивать слова утешения, за которыми иной раз стояло лишь жадное любопытство к чужому горю. Наше общение с соседними семействами постепенно сошло на нет – приглашения мы не принимали и к себе не звали. Кому хочется лишний раз посмотреть на чужую нищету?

Фьордина Кихано, некогда стройная женщина с горделивой осанкой, сгорбилась, глаза ее потухли, она целыми днями сидела в кресле-качалке и читала бесконечные любовные романы, которые нам с сестрой вменялось в обязанность приносить из городской библиотеки. Готовить приходилось тоже нам – кухарки и горничные бесплатно не работали, преданность семье имела пределы.

Потом брат уехал учиться в Академию, и стало еще печальнее. Если раньше бабушка выныривала из своих грез хоть изредка, чтобы с ним поговорить, то сейчас, если не

читала, мечтательно смотрела вдаль. Представляла будущие прекрасные перспективы Алонсо, Марии Долорес и мои.

Пенсию от военного ведомства на брата платить перестали, но он уже был достаточно независим. На личные нужды ему хватало стипендии, и в каждый приезд он старался привезти нам что-нибудь в подарок, чтобы порадовать.

Алонсо хмурился, глядя на стремительно ветшающий дом, но сделать ничего не мог, хотя временами долго бродил по опустевшим пыльным коридорам. Денег не было даже на остекление окон, а жалюзи пропускали не только свет, но и пыль, ветер, дождевые капли. Разумнее всего казалось забить окна досками, но и их не было. Только огромный семейный особняк, пустой и унылый, да родовая гордость, приносящая одни проблемы. Что толку в череде предков, если есть нечего?

– Ты должен выгодно жениться, – заявила брату в один из приездов бабушка. – На тебе лежит ответственность за род. И за сестер тоже.

На коленях ее лежал очередной томик в яркой обложке с прекрасной девушкой, сидящей на скамейке в парке. «Богатая невеста», – гласило название. Не книга, а руководство к действию.

– А не будет ли урона чести семьи, если я таким образом поправлю ее положение?

Брат сразу показал, насколько ему не нравится идея, извлеченная из романа.

Но бабушка уже загорелась этой мыслью. Чем больше она погружалась в выдуманные истории, тем с меньшим желанием выходила в серую реальность.

– Вы же друг друга будете любить! – уверенно сказала она. – Хорошо воспитанная, красивая девушка с большим приданым – вот что тебе нужно.

– Боюсь, что такой не нужен буду я, – усмехнулся брат.

Я не могла себе представить, что мой брат кому-то может не понравиться. Да, мы были небогаты, но хорошего рода. Брат, хоть и бедно одетый, все равно привлекал внимание приятной внешностью, хорошей осанкой и манерами настоящего аристократа.

– Глупости! – поддержала мои мысли бабушка. – Как это ты – и не нужен? Вот помяни мое слово: как встретишь, сразу все наладится. А потом и для Дульче богатый муж найдется, и для Мариты...

– Дульче через год может в Академию поступать, – намекнул Алонсо.

– Нет, – покачала головой бабушка, – нельзя, чтобы представительница рода Кихано бывала на людях в таких обносах. Это неприлично.

– Все равно в Академии требуют постоянно носить мантии, – сказал брат. – И кто там увидит, что под ней?

Бабушка задумалась.

– Да и выбор женихов там побольше, – подмигнул мне брат. – За кого выходить здесь, если она, кроме мышей, ни-

кого и не видит?

— Ну если в мантиях, — с сомнением в голосе сказала бабушка, — тогда посмотрим.

Я обрадовалась возможности выйти из замкнутого круга, в который нас загнали бедность и честь.

«Недостойно представительнице нашего рода работать за копейки», — сказала бабушка, когда мне предложили место в библиотеке. Теперь там выдавала книги фьорда из менее знатного рода, а я с тоской вертела в руках протертое на локтях платье и не знала, что еще можно сделать, так как вид у него был такой, что у иных и половые тряпки лучше.

С последней подработки Алонсо привез нам с сестрой по платью, но бабушка на него так напустилась, что он роскошествует, не выплатив долг, что стало понятно: больше обновок у нас с Марией Долорес не будет.

Подаренное братом платье я берегла для Академии, но, увы, поехать туда не довелось. На последних каникулах Алонсо приехал необычайно подавленный и проговорился, что понравившуюся ему девушку с весьма приличным приданым увел не кто-нибудь, а лично ректор. И если бы просто увел! Так нет, на радостях сделал несколько нововведений, среди которых не последнее место занимала отмена постоянного ношения мантий.

На этих словах брата бабушка некстати очнулась от своих размышлений и заявила, что в заведении, где ректоры ведут себя столь безнравственно, ноги ее внучек не будет. Особен-

но если эти ноги одеты в столь поношенные туфли. Алонсо расстроено замолчал, но слово уже было сказано, и решение принято.

В Академию я не поехала. Мы вообще никуда не ездили. Казалось, я так и состарюсь в этих мрачных комнатах с высокими потолками, где летом невыносимо жарко, а зимой – холодно. Раньше, при родителях, работала магическая система регулирования. Она тогда уже начинала сбоить. Все хотели вызвать мага-специалиста, но так и не успели. Алонсо пытался исправить, не смог и забросил. Все повторял, что пойдет работать, и все наладится.

Но оказалось, что маги-воздушники не очень востребованы. В столице предлагаемая работа была не из самых оплачиваемых. Тогда он решил последовать бабушкиному совету и выгодно жениться. Почти перед окончанием учебы привез невесту. Фьорда Хильда Бренсон была единственной дочерью промышленника. Не сказать, что красавица, но ухоженная и уверенная в себе. На наши обноски смотрела с пренебрежением, потом и вовсе перестала обращать внимание на нас с сестрой. По дому бродила с недовольным видом. Сначала заявила, что эту рухлядь проще снести и на ее месте построить что-то новое, но потом в голове у Хильды что-то щелкнуло, и она заявила:

– Алонсито, у меня есть прекрасный план. Заодно и папе покажем твою предпринимательскую жилку, а то он недоволен моим выбором. Место здесь чудесное. Виды опять же.

Прוצветающий пансионат – вот то, что нам нужно.

– Пансионат? Из этого дома?

Алонсо был в шоке.

– Да, сейчас он в ужасном состоянии, – неправильно поняла его фьорда, – но если привести в порядок, дать хорошую рекламу, сестриц твоих поставить за стойку, чтобы выдавали ключи от номеров, деньги рекой потекут. Одна только фраза «Гости обслуживаются представительницами древнейшего рода Империи» привлечет клиентов не хуже, чем экзотический храм под боком.

– Сестер за стойку?

– А что, просто так кормить? – Она презрительно фыркнула. – Нет уж. Еще тебе, как мужу, могу просто так деньги давать. Точнее, не просто так. – Она выразительно прищурилась и облизнула тонкие губы. – Но кормить ораву твоих нищих родственников? Пусть отработывают. Да и самим лучше. Глядишь, и подберут богатого мужа среди клиентов...

И это вот «среди клиентов» оказалось последним гвоздем, который она вбила в надежды нашей семьи на удачный брак Алонсо. Хильда уехала, и о ней больше никогда не вспоминали. Хотя бабушка от мысли выгодной женитьбы Алонсо не отказалась, лишь указывала, что искать нужно среди фьорд своего круга. Хорошо воспитанных.

Но брат к этой идее совершенно остыл. Предложили поехать бурильщиком нефтяных скважин в Корбининанское королевство, деньги давали неплохие, и он согласился. Ба-

бабушка возражала, мол, нельзя представителю столь славного древнего рода соглашаться на черновую работу, это порочит честь семьи. Но Алонсо взглянул на нее, на нас с сестрой, выразительно обвел взглядом дом и сказал:

– Бабушка, неужели жениться ради денег на девице, которая мне даже не нравится, менее позорно, чем работать? Я не могу смотреть, как вы здесь прозябаете в нищете. Я единственный мужчина в роду, и позаботиться о вас – мой долг. Не выполнить его – вот что позорно. А работа позорной не бывает, даже если она грязная.

Бабушка пыталась его убеждать, но он как стоял на своем, так и не отступился. Пришлось ей смириться. А я тогда подумала, что, пойдя я на работу в библиотеку, не пришлось бы ходить в тряпье и было бы, в чем ехать в Академию.

Честь семьи не в том, чтобы не показывать свою бедность, а в том, чтобы поступать как брат, который не кичился родовитостью, а делал все, чтобы нас вытащить. Из выдаваемой зарплаты он гасил основную сумму долга и отправлял часть нам на повседневные нужды. Но бабушка считала единственной повседневной нуждой возврат денег и все до эврика уносила в банк. Сумма, что лежала на нас тяжким бременем, начала таять. Появилась надежда, что к старости мне удастся все-таки купить новые туфли. А если очень повезет – то и две пары.

От беспросветной тоски хотелось временами быть. Единственное развлечение, что было доступно, – разговоры с

сестрой, которая была младше меня всего на год и так же тяжело переживала вынужденное затворничество.

Последний артефакт связи в нашей семье хранился у бабушки. Старенький, с постоянно выпадающими кристаллами, он продолжал работать, хотя вызовы на него поступали лишь от Алонсо, и не слишком часто. Брат старался экономить, его голос мы слышали лишь раз в две недели, по вечерам. Поэтому когда артефакт завибрировал в неурочное время, я почему-то сразу решила, что с братом случилось нечто ужасное. Бабушка, наверное, тоже: руки у нее дрожали, когда она нажимала на кристалл ответа.

– Соледад? – с легким недоумением переспросила она, и тут же облегченно добавила: – Ну конечно, помню, разве тебя можно забыть? Сколько лет в одном пансионе! И каких лет – волшебных!

Она выпрямилась в кресле, глаза засияли, и через облик замученной пожилой женщины проступила юная девушка, гордая и прекрасная, какой она была много лет назад. Я решила не мешать возвращению в дивные годы, проведенные в пансионе, и ушла на кухню, к Марии Долорес, которая как раз занималась ужином.

Но помощь уже не требовалась: все, что нужно, было порезано, засыпано в кастрюльку и теперь весело побулькивало, приподнимая крышку. Сама сестра сидела за кухонным столом, одиноко стоявшим в огромной кухне напротив плиты. Локтями она оперлась о столешницу, что неминуемо вы-

звало бы возмущение бабушки, увидь та подобное. Но бабушки не было. Сестра же закрыла ладонями лицо и тихо плакала.

– Марита, что случилось? – испуганно спросила я.

– Я вдруг подумала, что вот так вся наша жизнь пройдет, – горестно всхлипнула она. – В варке жидкой похлебки и уборке никому не нужного дома. Лучше бы Алонсо женился на той Хильде и согласился сделать из этой развалины пансионат. Любит, не любит... И что? Я бы не задумываясь вышла замуж за того, кто нас вытащит из нищеты. А он...

Сестра разрыдалась. Слезы катились по лицу крупными каплями, она не успевала их вытирать, лишь размазывала давно намокшим платком, таким же ветхим, как и украшавшие его кружева.

– Марита, он делает все, что может, – попробовала я успокоить ее. – Думаешь, так хорошо стоять за стойкой и выдерживать презрительное обращение тех, кто считает себя лучше лишь потому, что богаче?

– Думаю, хорошо. Уж намного лучше, чем так жить.

Она неприлично громко высморкалась и с вызовом установилась на меня покрасневшими глазами. Мне самой было невыносимо здесь находиться. Все сыпалось, разваливалось, рушилось со скоростью, справиться с которой мы не могли.

Пенсию на меня от военного ведомства принесли последнюю, так что дальше станет только хуже. Нужно на что-то решаться. Но я признавала бабушкину правоту: в такой одеж-

де появляться в элитном учебном заведении нельзя. Стыд и позор не только семье, но и лично Алонсо, который делает для нас все, что может.

– Дульче!

Бабушка закричала так, что я за нее испугалась и бросилась на выручку. Но она выглядела такой довольной, что страх тут же рассеялся. Бабушка улыбалась и поглаживала магофон, словно у нее на коленях лежала довольно урчащая кошка.

– Дульче, – повторила она много тише, – ты вытащила счастливый билет. Звонила моя подруга детства. У нее есть внук, ты выходишь за него замуж, мы договорились.

– Замуж?

От неожиданности я растерялась. Нет, мне хотелось изменить жизнь. Но выходить замуж за фьорда, которого я никогда не видела? Дикость какая-то. И подруга эта странная... Столько лет даже не вспоминала, а сейчас сразу сватает...

– Это ты про какую из подруг сейчас говоришь? – решила уточнить я.

Последнее время бабушка не упоминала никого. Общество забыло про нас, мы старательно делали вид, что тоже никого не помним.

– Соледад, – довольно ответила бабушка. – Соледад Берлисенсис. Мы с ней с самого детства дружили, вот она и вспомнила про подругу, когда будущим внука озаботилась. Внук у нее такой красавчик! Смотри.

Она подавила на кристаллы, и над магофоном возникло маленькое фантомное изображение моего предполагаемого жениха. Изображение постоянно подрагивало и перекашивалось, так что нельзя было толком рассмотреть, даже как он выглядит. Понятно, что блондин. Но и только.

Я с сомнением смотрела на перекашивающуюся фигуру, и меня одолевали подозрения, что с фьордом что-то не так, если он до сих пор не нашел невесту сам. Но в каком смысле «не так» – физическом или умственном, – по фантому понятно не было.

– Ты раньше о ней никогда не вспоминала. О такой своей близкой подруге, – сказала я.

– Не вспоминала, и что? – с довольной улыбкой ответила бабушка. – Главное, что Соледад обо мне вспомнила. «Фелиса, – говорит, – мне сказали, у тебя старшая внучка на выда-
нье. Пришли мне магографию». А у меня как раз в магофоне подходящая. Та, где Алонсо тебя по весне в саду снимал. Только лицо и ветви цветущей яблони. Я и отправила тут же. А она сразу: «Какая замечательная девушка! А у меня есть не менее замечательный внук, Бруно». Маг Огня, закончил Академию чуть больше года назад, как и Алонсо. Семья – настоящие аристократы, одни из самых богатых в Империи. Но традиции блюдут, абы на ком женить Соледад внука не хочет, только на девушке соответствующего происхождения и воспитания.

Я опять посмотрела на перекошенного фантомного жени-

ха. Навязываемый бабушкой фьорд мне совершенно не нравился.

– Бабушка, а тебе не кажется, что она могла кого-нибудь поближе найти? – спросила я. – И не таких безденежных?

– Берлисенсисы всегда гордились своей родословной, – ответила бабушка. – Вот и ищут единственному внуку невесту с безукоризненным происхождением.

– Зачем ей нужна я? Фринштад полон девиц с происхождением не хуже нашего.

На фантом я перестала смотреть. Постоянное подергивание перед глазами все равно не вызывало ни малейшего желания стать женой этого мага Огня.

– Лучше тебя им просто не найти. Наш род – один из самых древних, а родословная безукоризненна. Дульсинея, ты что, собираешься отказаться? – В голосе бабушке зазвенело праведное возмущение.

– Мне все это не нравится, – ответила я. – Будто меня собираются купить.

– А если и так? – раздалось от двери. – Если ты не хочешь, пусть меня берут. Я согласна.

– Согласна она, – проворчала бабушка. – Да только ты несовершеннолетняя, Марита, а ждать, пока в возраст войдешь, никто не станет. Да мы уже сговорились, что Дульче к ним едет. – Она сурово сдвинула брови и посмотрела на меня с огромным возмущением. – Тоже мне, фьорда какая разборчивая нашлась! У тебя здесь женихи в очередь выстраи-

ваются? Нет? Тогда будь добра, слушай, что говорят. Брат твой на самую черную работу согласился, чтобы семье помочь. Сестра тоже готова собой жертвовать, а ты носом крутишь. Значит, ты для нас сделать ничего не хочешь? Красивый богатый муж в столице ей не по нраву, видите ли.

Сестра горестно шмыгнула носом, заслужив неодобрительный бабушкин взгляд. Мария Долорес была согласна под венец хоть сию минуту, лишь бы выбраться из этого богами забытого места, где мы никого не видим и где ничего никогда не случается.

– Я могу ему не понравиться, – почти смиряясь с неизбежным, сказала я.

Бабушка повеселела:

– Как это – не понравиться? Да вы как друг друга увидите – влюбитесь сразу и на всю жизнь! Я просто чувствую, что вы друг другу предназначены судьбой, иначе разве бы я согласилась?

– Мне даже ехать не в чем.

– А платье, что Алонсо тогда привез? – оживилась сестра.

– А обувь? – мрачно ответила я.

– Соледад деньги предлагала, – задумчиво сказала бабушка, – только я отказалась. Может, и зря. Без приличной обуви нехорошо фьорде из нашей семьи появляться в столице. Чести урон.

Я было обрадовалась, что поездка отменяется.

– А знаешь, – вдруг вспомнила бабушка, – у меня же со-

хранились туфли твоей мамы. Ну-ка...

Она раскрыла сундук и стала выкладывать вещи, давно вышедшие из моды, но старательно проложенные пахучими травками от моли. Одежда складывалась унылыми кучками на стоящие рядом стулья. Не вся. Пару платьев бабушка повертела в руках и отложила. Похоже, их придется взять с собой. От вещей шел резкий запах затхлости, который не мог перебить даже сильный аромат лаванды. Я зажмурилась и чихнула. Может, все к лучшему? Богатая семья не позволит, чтобы их невестка в таком ходила.

– Ага, вот и они! – Радостная бабушка вытащила тряпичный мешок, из которого достала довольно изящные туфли-лодочки. – Ну-ка примерь.

Мария Долорес завистливо вздохнула. Туфельки действительно были чудо как хороши. Вот только когда я их надела, оказалось, что они мне чуть-чуть не по ноге. На ту самую малость, что превращает в пыточный инструмент даже самую прекрасную обувь.

– Красота! – сказала бабушка и велела к туфлям надеть еще и платье, чтобы посмотреть, как я буду выглядеть.

За платьем, висевшим в соседней комнате, сбегала сестра. Глаза ее горели предвкушением грядущих изменений, на щеках появился румянец, и платье на мне она расправляла с таким мечтательным видом, словно оно было подвенечным.

– Худовата ты, – недовольно сказала бабушка после того, как я перед ней немного повертелась. – Может, в лиф тря-

пок положим? Все привлекательней жениху покажешься при первой встрече?

Сразу начинать с обмана? Недостойно.

– Нет уж, – резко ответила я. – Что есть, пусть в то и влюбляется.

– Твоя правда, – смирилась бабушка. – Ты и без этого хороша. Вот встретит тебя завтра с прибывшего экспресса и непременно влюбится.

– Завтра?

– А зачем тянуть? Найдется другая фьорда и уведет нена роком. Нет, Бруно Берлисенсис нужен семье Кихано, – важно сказала бабушка.

Глава 2

Откуда бабушка достала чемодан, я не заметила. Осталось лишь удивляться, что его не продали с остальными вещами, представлявшими хоть какую-то ценность. Наверное, потому, что был он не очень большим и уже чуть потертым, за такое много не получить.

Но даже в такой маленький чемодан закладывать было нечего. От платьев, отложенных бабушкой в сторону при разборке сундука, я отказалась. Они так давно вышли из моды, что никак не смогут поддержать честь семьи Кихано. Еще разлезутся от старости в самый неподходящий момент.

Этот довод бабушку убедил, и платья вместе со своим душистым ароматом перекочевали назад в сундук. А в чемодане оказались лишь самые необходимые вещи: смена белья, полотенце, мыло, зубная щетка, пара книг, с которыми не хотелось расставаться. И всё.

– Да, маловато, – задумчиво сказала бабушка, заглянув в чемодан. – Может, бумагой заложим для объема, а то греметь будет?

Я выразительно на нее посмотрела. И само предложение мне не нравилось, и бумаги, чтобы забивать чемодан, не было. Не выдирать же листы из книг? Их в нашем доме осталось не так много. Бабушка вздохнула и внесла новое предложение:

– Дульче, возьми еще одно платье. Содержимое чемодана будет намного солиднее смотреться, когда его откроют. Чтобы горничные не фыркали, что нищенку в семью берут. Можешь не надевать, скажешь – не думала, что столичные моды так от провинциальных отличаются. Соледад пообещала сразу подобрать гардероб, соответствующий положению семьи.

Опять подумалось, что же такое с этим Бруно, если его семья готова на все, лишь бы его женить? Захотелось отказаться от этой глупой затеи и никуда не ехать, но я взглянула на замученное лицо младшей сестры и решила: поеду, а там будь что будет. Настоящее благородство в том, чтобы жертвовать собой во имя семьи, как это делает сейчас брат. У Кихано женщины сильные, вытерпят любого мужа. А Марите и Алонсо станет легче.

– Держи. – Сестра протягивала мне свое платье из тех, что привез брат, но мы так ни разу и не надели. – Бабушка права. Пусть не думают, что мы такие нищие.

– А ты? – растроганно спросила я.

– Если ничего не выйдет, привезешь назад, когда вернешься, – пожала она плечами. – Выйдет – тоже привезешь, когда навещать приедешь.

– Как это – не выйдет? – всполошилась бабушка. – Мария Долорес, не настраивай сестру на поражение. Все у нее выйдет, и вернется она сюда фьординой Берлисенсис, и никак иначе.

Во взгляде сестры проскользнуло легкое сомнение. Наверное, тоже вспомнила увиденную голограмму с кривым наследником рода, жаждущего с нами породниться. Может, у него не только физиономия перекошенная, но и с мозгами непорядок? Я решила сразу настраиваться на самое худшее, чтобы не слишком разочароваться при встрече. Насколько он нормален, узнаю уже завтра.

Платье сестры заняло свое место в чемодане, и я захлопнула крышку, пока бабушка не решила положить туда еще что-нибудь. Нет уж, что есть, то есть, создавать видимость – недостойно.

Провожать меня пошла только Марита. Пешком бабушке столь длинную дорогу не осилить, а денег на экипаж нет. Хорошо еще на экспресс набралось, а то пришлось бы позориться, занимать у кого-нибудь.

Сестра все порывалась поднести мой чемодан, но я не дала. Ей еще обратно идти, да одной, и без того устанет. А чемодан не тяжелый, чему там весить? Книги грустно ездили из одного угла в другой, почти не встречая на своем пути сопротивления.

– Хоть бы у тебя все получилось! – прервала молчание сестра. – Я буду за тебя всем богам молиться. Невозможно так жить! Совсем невозможно. Бабушке что? Уткнулась в любовные романы, а все, что вне их, ее не интересует. Главное – честь не уронить. А мы здесь просто засохнем, как старые розовые кусты в саду.

Сад был у бабушки вечным поводом для страданий. Огромный и некогда роскошный, он зарос и теперь мало чем отличался от дикого, но все же сказочного леса. Розы без должного ухода превратились в не пойми что, цвели редко, мелкими цветами, больше похожими на шиповник. Длинные голые стебли гордо несли огромные шипы и пытались захватить в плен всякого, кто проходил мимо. Нет, они не засохли, но выродились, превратились из украшения сада в пугало для случайно забредших туда людей.

– Получится, – твердо сказала я сестре.

Пусть хоть ей достанется кусочек счастья и возможность выйти замуж по любви. А для этого нужно, чтобы она выбралась из нашего всеми забытого дома и начала бывать там, где есть молодые фьорды, подходящие ей по рождению. А не сидела с любовным романом в руках рядом с бабушкой. Все равно второго кресла-качалки у нас нет.

По дороге я несколько раз пожалела, что сразу надела новые туфли, как настаивала бабушка. Могла дойти до города в старых, а потом отдать их Марите. Могла, но не подумала. А сейчас – хоть снимай и иди босиком. Но ноги потом будут грязными, туфли на такие не наденешь. Приходилось терпеть и ругать про себя бабушку, ее подругу по пансиону и этого невнятного жениха, Бруно Берлисенсиса.

Ему доставалось больше всего – нормальные женихи сами приезжают знакомиться, а не договариваются о помолвке через бабушек. Но я уже поняла, что мне достался не со-

всем нормальный. Главное, чтобы его ненормальность была не слишком велика, а то получится урон семейной чести – с таким родниться.

Жалко, у нас не было возможности выписывать «Фринштадский вестник» – газету, печатавшую новости о всех значительных семьях Империи. Я иногда ее пролистывала в библиотеке. Было бы время, непременно сходила, посмотрела, что там пишут про этого Бруно. И брат про него ни разу не упомянул, хотя они учились вместе, пусть и в разных Башнях. Порасспрашивать бы Алонсо, что из себя представляет этот жених. Но разве это что-то изменит? Наверное, даже лучше ничего о нем не знать, легче будет принять.

Я украдкой вздохнула, стараясь, чтобы сестра не заметила. Представить жизнь с совсем чужим, посторонним фьордом я не могла. А ведь потребуется еще и родить ему наследника... Об этой стороне жизни я имела довольно смутные представления. Перед отъездом бабушка отозвала меня в сторону и пыталась что-то мямлить, краснея и отводя глаза, а потом махнула рукой и сказала, что я сама разберусь. А если нет – спрошу у Соледад, которая знает лучше, поскольку недавно опять вышла замуж, а значит, эти знания у нее еще живые и востребованные. Пришлось этим удовлетвориться.

На вокзал мы пришли с хорошим запасом времени и сразу купили билет. Ужасно дорогой, хотя место было лишь сидячим. Остаток денег я протянула Марите.

– Нет. – Она помотала головой и даже руки за спиной спрятала. – Не возьму. Тебе нужнее. Пусть эти Берлисенсы не думают, что мы такие нищие. Что совсем денег нет.

– Так их и нет, – попыталась я ее вразумить. – И они это знают. Иначе бабушка никогда не согласилась бы на такую помолвку. Останутся у меня эти монетки, нет – разницы никакой. А вам они нужнее.

– А если тебя не встретят? – спросила сестра.

– У меня есть комбинация кристаллов Соледад Беранже, свяжусь с вокзала.

– Чтобы с общественного артефакта связи подключаться, все равно нужны деньги. Возможно, еще на экипаж потребуются. Или ты хочешь оформить доставку за счет получателя?

Марита была права. Но боги, как же мне не хотелось забирать у них с бабушкой последнее!

– Не возьму, – упрямо сказала сестра. – Проживем как-нибудь. Скоро от Алонсо деньги должны прийти. И бабушка мне так сказала. Ни в коем случае не брать.

Сестра гордо вскинула голову, показывая, что ей, представительнице одного из древнейших родов, нет никакого дела до презренного металла. Я пожала плечами и высыпала деньги в сумочку, тоже найденную в бездонном бабушкином сундуке. Не так этих эвриков много, чтобы устраивать спор.

Прибытие экспресса сопровождалось громким объявлением через старенький шипящий артефакт. Свое он отслужил давно, но менять его никто не собирался. Ходили слу-

хи, что скоро вокзалы перестанут работать, а запустится сеть государственных телепортов, более дешевая, чем существующая сейчас. Но мне казалось, что слухи так и останутся слухами. На экспрессах ездили не только те, у кого денег не хватает, но и те, кто по разным причинам не хотел или не мог пользоваться телепортами.

Вот и сейчас вагон первого класса был полностью заполнен, а ведь поездка в нем стоит раза в полтора дороже, чем переход через телепорт. К услугам пассажиров весь комфорт, который только можно получить в дорожных условиях. И садились туда весьма элегантно одетые фьорды и фьордины. На фоне их роскошных чемоданов мой казался еще более потертым. Но другого все равно нет, а в мой вагон стояла не такая великолепная очередь.

– Марита, пора прощаться.

– Да.

В глазах сестры стояли непролитые слезы, но она держалась.

Мы обнялись, расцеловались, и я пошла к своему вагону. Проводник, небритый фьорд неопределенного возраста, мерно помахивал артефактом над билетами входящих. Результат его не интересовал. Кажется, он даже не попадал по билетам, так как смотрел в другую сторону, на проводницу соседнего вагона. Интересную фьордину средних лет, которая сейчас вяло переругивалась с желающим пройти в ее вагон пассажиром.

Нашей очереди это двигаться не мешало, так что вскоре я стояла на ступеньках вагона. Оглянулась на сестру. Та стояла, закусив губу, и смотрела мне вслед. Ей теперь придется совсем тяжело. Вдвоем с бабушкой в огромном доме...

— Что, уснула на дороге? Давай пошевеливайся! — ткнула меня чем-то острым в бок толстая фьордина.

Я махнула Марите и ушла с прохода. Свое место нашла быстро, чемодан поместился под сиденьем, а сумочку я оставила на коленях и крепко держала. Сидела я не у окна, так что сестру видела плохо, но еще раз помахала и показала знаками, чтобы уходила, не ждала, когда поедем.

Марита упрямо помотала головой и осталась на перроне до того момента, когда экспресс тронулся и помчался, набирая скорость с каждым мгновением. Я откинулась на сиденье, жесткое и не слишком удобное, и прикрыла веки. Перед глазами стояло одинокое и несчастное лицо сестры, и эта картина отдавалась болью в моем сердце.

Нельзя жить, как мы жили последние годы. Ради близких я была готова на все. И сейчас твердо решила, что выйду за этого Бруно, каким бы придурком он ни оказался. Лишь бы только вытащить сестру и бабушку из ямы, в которую мы себя загнали. И если он это сделает, быть может, моя благодарность к нему со временем перерастет во что-то большее? Ведь в самом плохом и уродливом человеке непременно найдется что-то такое, за что его можно полюбить. Ну и пусть у этого Бруно перекошенная физиономия. Вдруг он очень хо-

роший и заботливый фьорд?

Ехали мы долго. Соседи временами что-то ели, до меня доносились аппетитные дразнящие запахи. По вагону ходили разносчики, предлагая самые разные варианты перекусов. Я глаза не открывала, делала вид, что сплю. С собой взять ничего не догадалась, а то, что носили, стоило очень дорого. Ничего, дотерплю до конца поездки. Вдруг в туалет захочется, а чемодан бросать нельзя. Украдкой облизнула пересохшие губы. Сидеть в одной позе было тяжело, а еще хотелось снять изрядно опостылевшие туфли. Но нельзя.

Однако все рано или поздно заканчивается. Кончились и мои мучения. Экспресс в очередной раз начал замедлять ход, попутчики зашевелились, кто-то пробасил прямо в ухо: – Ну все, Фринштад, приехали.

Я открыла глаза. Мы только въезжали в город. Тянулись предместья с небольшими аккуратными домиками. Потом пошли дома покрупнее и побогаче. Но вокзал был ближе к окраине, до центра мы не доехали, и дальнейшие изменения домов проследить не удалось.

Экспресс остановился. Все заторопились на выход. Я – нет. Меня внезапно охватила паника. Сейчас придется знакомиться с женихом. А если он окажется еще хуже, чем я думала? Что тогда делать? Хоть бы он не пришел... Ой, нет, если он не придет, будет еще хуже. Кихано трудностей не боится!

Я посмотрела на свое отражение в окне, пригладила чуть

растрепавшиеся волосы и решительно двинулась к выходу, навстречу перекошенному жениху.

– Фьорда Кихано?

– Да, это я. А вы – фьорд Берлисенсис?

Лицо у него было нормальное, даже красивое, изъянов фигуры я тоже не заметила. Выглядел он старше брата. Возможно, серьезно болел, потому окончил позднее? Потом я заметила на коже следы косметики, призванной спрятать какое-то уродство, и уверилась в версии болезни. Но косметика меня удивила. Настоящий фьорд должен спокойней относиться к собственной внешности и не пытаться скрыть недостатки с помощью средств, больше подходящих кокетливым женщинам.

– А кого еще ты думала увидеть? – ответил он. – Значит, Дульсинья Кихано собственной персоной прибыла. Дульсинья... Ну и имечко. Кто тебя так возненавидел-то сразу после рождения?

Взгляд его неприятных водянистых глаз обшаривал меня с ног до головы, стремясь найти любые изъяны. Голос тоже оказался таким брезгливо-презрительным, что пришлось себе напомнить: я здесь, рядом с ним, не просто так, а ради семьи. А значит, нужно постараться умерить гордость и попытаться найти общий язык.

Я всегда думала, что воспитанные люди не позволяют себе высказываний по поводу имен, внешности, происхождения. Может, его болезнь была слишком тяжелой и затронула

важные участки мозга? Тогда его не должны выпускать без сопровождающих. Но на перроне почти никого не осталось.

– Что молчишь? Не знаешь?

– Меня назвали в честь возлюбленной дедушки, – ответила я, решив его не раздражать лишний раз.

– Но не бабушки? – Он неприятно рассмеялся. – Любил, значит, дедушка по юбкам бегать, а внушек дурацкими именами в их честь называли.

– Фьорд, мне кажется, личная жизнь моего дедушки вас не касается, – постаралась я как можно деликатнее намекнуть на такое нетактичное поведение. – Мы здесь не для того, чтобы его обсуждать.

– Можно и не его, – покладисто согласился Берлисенсис, – а бабушку. Щедрая она у тебя, смотрю, туфли выделила. Такие уже лет сто как не носят, не меньше.

Напоминать себе, что я здесь ради семьи, приходилось все чаще. Этот фьорд начинал вызывать такое глубокое отвращение, что держать себя в руках становилось все сложнее и сложнее. Но отступать нельзя – за мной Марита и бабушка. Я должна сделать все, чтобы им помочь.

– Платье нормальное, и то хорошо, – продолжал он оценивать мою одежду. – Да и то... как сказать, нормальное. С такими рукавами сезона два уже не ходят. Хотя о чем я? К вам в глушь пока мода дойдет, во Фринштаде поколение сменится. Да, с тобой в приличное место не сунешься! – Он еще раз окинул меня высокомерно-презрительным взглядом и доба-

вил: – Ладно, чего здесь без толку стоять? Пойдем посидим в привокзальном кафе, поговорим. Там освещение плохое, никто не разглядит толком.

На языке так и вертелось: «Вы сейчас про свой тональный крем, фьорд Берлисенсис?» – но я сжала зубы и напомнила себе, что на мне лежит ответственность перед семьей. В глубине души еще теплилась надежда, что такое поведение – лишь маска, прикрывающая нежное, израненное несчастной любовью сердце, но уже так глубоко, что скоро ей, этой надежде, на поверхность не выбраться. Так и угаснет, заваленная слоями откровенного хамства и пренебрежения.

Он развернулся, не только не подав мне руки, но и не предложив помочь понести чемодан, и неторопливо зашагал к зданию вокзала, предоставляя мне полное право идти за ним самостоятельно. Хотелось плюнуть ему вслед, развернуться и ближайшим экспрессом уехать назад в Риойу. Но воспитанные фьордины не плюются на улице. Строго говоря, они вообще не плюются.

Я опять вспомнила о Марите и бабушке, ради которых согласилась на это сомнительное мероприятие, и решила узнать, о чем он хочет поговорить. Возможно, удастся прийти к компромиссу? Я сцепила зубы и поплелась за ним. Ноги болели так, что хотелось снять эти проклятые туфли и выбросить в ближайшую урну. Все равно они не вызывают у этого высокородного хама ничего, кроме насмешек.

Хам добрал до привокзального кафе – аккуратного, чи-

стого и очень светлого. Запахи там тоже витали неплохие, сразу напомнившие желудку о необходимости иногда есть. Я уж было обрадовалась, но Берлисенсис нахмурился и сказал:

– Нет, слишком светло. Вдруг меня с тобой увидит кто из знакомых? Позора потом не оберешься Тебя сначала отмыть нужно, прежде чем в обществе показывать. Удружила мне бабушка, ничего не скажешь... Могла и попримечнее чего подобрать.

– Возможно, тех, что попримечнее, не устроили уже вы, – не удержалась я. – Я вот с вами разговариваю не так долго, но понимаю, почему вы сами никого не смогли себе найти.

– Хамишь, детка, – недовольно протянул он. – Можно подумать, мы с тобой уже в ратуше побывали. Да и после этого рот будешь держать закрытым, поняла? Фьордины рода Берлисенсис всегда отличались хорошим воспитанием.

По-видимому, это требование на фьордов не распространялось, поэтому стоит сейчас передо мной хам, равного которому я не видела. Подозрение, что ничего хорошего из моей поездки не выйдет, превратилось в твердую уверенность. Желание его слушать тоже помахало ручкой. Но... Марита... Марита и бабушка... Если Алонсо собирался жениться на Хильде в надежде, что поможет нам, я и подавно выдержу. Говорят, женщинам легче.

Полупустой зал ожидания Берлисенсис счел достаточно темным для беседы со мной. Он плюхнулся на жесткое сиденье, дождался, пока я сяду рядом, и уже приоткрыл рот,

собираясь что-то сказать, как вдруг у него заработал переговорный артефакт. Новенький, с блестящими кристалликами, инкрустированный серебристым металлом.

– Привет, крошка! – жизнерадостно сказал он в трубку, ничуть меня не стесняясь. – Нет, не могу, занят сейчас. Как освобожусь, сразу узнаешь... Нет... Ха-ха-ха... Так вся ночь твоя! – Он странно на меня покосился и добавил: – Не эта, так следующая точно... Сказал же, занят... Да, пока, крошка, целую.

Фьорд небрежно сунул погасший артефакт во внутренний карман и перевел взгляд на меня:

– Ты мне сбила все планы на сегодня, – недовольно пробурчал он. – Так, давай быстро обсудим наше совместное будущее. Спальня у тебя будет отдельная, и это не обсуждается. – Он посмотрел на меня так, словно ждал бурного возмущения, не дождался, продолжил: – Содержание ежемесячное... – Названная сумма не впечатлила, слишком незначительная для семьи, кичащейся не только знатностью, но и богатством. Берлисенсис заметил мое недовольство и сказал: – Тебе хватит. Все равно моя жена в одиночку по магазинам шляться не будет, а у меня дел хватает и без того, чтобы тебя ежедневно выводить за покупками.

– Так понимаю, одно из этих дел как раз недавно вас и беспокоило?

Я выразительно посмотрела туда, куда он убрал артефакт.

– Правильно понимаешь, – осклабился он. – Предупре-

жду сразу: менять ничего не собираюсь, меня все устраивает.

– А от меня требуется образцовое поведение, – с насмешкой сказала я.

– Естественно, детка. Моя жена не должна позволять лишнего с посторонними мужчинами. В твоём воспитании много пробелов, но четкие указания понять-то должна, не совсем же дура? Иначе смысла в нашем браке ни я не вижу, ни бабушка не найдет. Сама подумай, кому гулящая жена нужна?

Я промолчала, хотя с каждой минутой он казался мне гаже и гаже.

– Мои условия ты знаешь, – нагло продолжил он. – Можешь сказать свои. Не обещаю, что выполню, но послушать интересно.

– Хочу перевезти родных во Фринштад, – сказала я, уже понимая, что все это – бессмысленно.

Он насмешливо фыркнул.

– И у нас поселить? Сдурела? Мне тебя одной за глаза хватит, к чему еще этот балласт из твоей родни? Кормить, поить, одевать? На целителей тратиться? Даже не рассчитывай на это.

– Но ваша бабушка говорила...

– Кто ее слушать будет? – оборвал он меня. – Возраст у нее, сама понимаешь. Сегодня пообещала – завтра забыла. Так что решать мне, а я тебе уже сказал – не рассчитывай,

мне приживалки не нужны.

Я подавленно молчала, пытаясь понять, что делать дальше. Смысла в браке на условиях, выдвинутых женихом, не было, ехать к его бабушке – тоже. Вернуться домой? Посмотреть в глаза Марите? Глаза, которые окончательно потухнут, из которых уйдет всякая надежда на хорошее будущее? Если с нами хотят породниться лишь такие неприглядные типы, ничего хорошего ждать не приходится. Нужно признать – мы изгой, смириться и жить как-то с этим знанием.

– У тебя все, детка? – спросил Берлисенсис, о котором я успела забыть. – Тогда давай снимем номер, можно даже здесь. Вон реклама висит.

– Номер? – недоуменно спросила я.

Одинокой фьорде неприлично останавливаться в гостиницах. Он должен был предложить отвезти меня в дом своей бабушки. А если она живет далеко, а он очень занят – родителей. Фьордина Берлисенсис обещала оплатить часть нашего долга, но теперь я была уверена, что этого не произойдет. Даже спрашивать ее внука не стала. К чему?

Настолько жадных фьордов я еще не встречала. Он не предложил даже чашку чая в буфете, хотя прекрасно знал, что я после долгой дороги. И если бабушка хоть чуть-чуть похожа на внука, о своем обещании она благополучно забудет. А не забудет – внук грудью встанет на защиту семейных денег.

– Одеваешься ты плохо, – сказал Берлисенсис. – Воспи-

тание тоже не ахти. Но, может, твой темперамент окажется для меня подходящим? Я просто обязан попытаться найти в тебе что-то хорошее. Покувыркаемся в кроватке пару часиков, глядишь, само найдется. – Он похабно усмехнулся и добавил: – Уверен, детка, без одежды ты выглядишь намного лучше, чем в этом тряпье.

– Боюсь, фьорд Берлисенсис, – холодно сказала я, – этого вам никогда не узнать.

Я встала, гордо подняла голову и пошла к выходу, стараясь не прихрамывать. Лучше прожить жизнь одной и в бедности, чем с отвратительным типом, вся внутренняя суть которого – сплошное уродство. Родниться с такими – ронять честь семьи.

Перед дверью я зачем-то оглянулась. Берлисенсис про меня уже и не думал, он невозмутимо болтал с кем-то по артефакту. С «крошкой», наверное. Радовал, что сегодня ночью кувыркаться будет с ней.

Глава 3

Первым делом я пошла смотреть расписание. Хотелось немедленно вернуться домой, а не изображать пугало на привокзальной площади. Презрительные слова Берлисенсиса о моих вещах до сих пор стояли в ушах. Сама я не замечала, чтобы моя одежда сильно отличалась от принятой во Фринштаде, но вдруг я видела только приезжих, а столичные жители не только носят другое, но и отмечают все несуразности в чужом облике? Быть объектом насмешек я не хотела. Хорошо, пока пальцами в меня не тыкали и в голос не смеялись.

Расписание нанесло очередной удар: в ближайшие два дня экспресса до Риоьи не было. «В связи с ремонтными работами», – гласила приписка.

Я тоскливо оглянулась на зал ожидания. Даже если бы он не закрывался на ночь, о чем сообщала табличка при входе, два дня на жестких скамейках я не выдержу. Придется снять номер в гостинице. Я расстроено подумала, что потрачу последние семейные деньги и вернусь ни с чем. Но выбора нет. Не ночевать же на улице?

Но где искать гостиницу? Начинало темнеть, а редкие прохожие пробегали слишком далеко, чтобы их остановить и спросить. Ходить было тяжело. Старые туфли хоть и выглядели прилично в сравнении с теми, что я обычно носила,

были такими жесткими, что казались сделанными даже не из дерева – железа. Страшно представить, что они сотворили с моими ногами.

Тут на глаза попало объявление, на которое указал Берлисенсис, когда выразил желание найти во мне хоть что-то положительное. И был в этом объявлении не только адрес гостиницы, но и схема, как добираться. Четкая такая схема, со стрелочками и расстояниями. Так недалеко даже я дохромаю.

Портье за стойкой, улыбчивая фьордина чуть младше моей бабушки, радостно меня приветствовала и разразилась восторженной речью о правильности моего выбора. При этом она особенно напирала на то, что у них сохраняется полная конфиденциальность посетителей.

– Мне нужен номер подешевле, – смущенно сказала я.

Бедность, конечно, не порок, но признаваться в ней посторонним людям неприятно. Но фьордина лишь подбадривающе улыбнулась. Совсем как моя бабушка, когда у нее заканчивались непрочитанные романы и она вспоминала про необходимость заботиться о собственных внуках.

– Вот, посмотрите. – Она протянула листочек с ценами номеров и дополнительных услуг, которые подключались по желанию заказчика. – Определитесь с выбором – скажете. Или вы предпочтете подождать, пока подойдет ваш спутник?

– Кто подойдет? – изумилась я, оторвавшись от изучения цен.

– Вы одна? – не менее удивленно спросила фьордина.

– Как видите, – недовольно ответила я. – Если не считать за спутника чемодан, то совершенно одна.

Мне были неприятны намеки, что девушке из хорошей семьи неприлично без сопровождения родственников останавливаться в гостинице. Но что я могла поделать? Сопровождающих взять негде.

Я приняла независимый вид и притворилась, что ничего не поняла. Цены радовали ровно до того момента, как я разобралась: плата взимается не за сутки, а за час. Подход был понятен. Если с такими ценами брать оплату сразу за сутки, приезжие начнут спать на улицах, что недопустимо. Наверное, власти Фринштада обязали владельцев гостиниц это сделать. Но и с почасовой оплатой за одну ночь требовалось заплатить очень много. Даже за самый дешевый вариант, на который я и указала этой фьордине, которая была теперь не улыбчивой, а задумчивой.

– дополнительных услуг не надо, – гордо сказала я.

Станные они какие-то, эти дополнительные услуги. Большая часть мне была непонятна, а понятная – не нужна.

– На сколько часов?

– На восемь... Ой, нет, семь, – торопливо поправилась я.

Посплю меньше, тогда можно будет позавтракать. Несколько дней без еды выдержать тяжело, а выплюсь, когда домой доберусь. Мысль о том, что завтра вечером передо мной встанет выбор – гостиница или билет на экспресс,

я старательно загоняла подальше. Это будет только завтра, завтра и решу.

Фьордина покачала ключиком с биркой, будто раздумывая, давать его мне или нет. Я вздохнула, вручила ей деньги, после чего ключ мне все же выдали.

На второй этаж я поднималась с трудом. Коридорная, молодая фьорда, но так вульгарно накрашенная, что казалась много меня старше, с презрительным видом проводила до номера. Я захлопнула дверь, провернула изнутри ключ и с наслаждением сбросила опостылевшие за день туфли. Столько мук ради какого-то уроды! Не зря мне это предложение сразу не понравилось. А ему не понравились мои туфли. И платье. И сама я тоже не понравилась.

В номере было темно и стоял странный терпковатый запах. Возможно, орочьи благовония? До нас доходили слухи, что во Фринштаде такие ароматы на пике моды. Сами ароматы не доходили, что было не так плохо: этот мне не понравился. Плотные красные бархатные шторы намертво закрывали окно, сдвинуть их не получилось, но я не очень старалась. Что там высматривать? Темно совсем. А у меня не так много времени, чтобы поспать. Доплачивать еще за час я не собираюсь.

С некоторым запозданием сработал магический светильник. Вся комната была выдержана в красно-черных тонах, а стены увешаны картинами с очень далекими от благопристойных изображениями. Может, это комната для молодого

женов, а картины – инструкция? Но почему тогда вот здесь на одну фьорду приходится два фьорда? А уж делают они что-то такое странное, чего никак в первую брачную ночь не может произойти... Видела бы это бабушка!

Я почувствовала, что краснею, и решила больше ничего не рассматривать. Это же не музей, здесь спать нужно, а не глазеть по сторонам. Я погасила светильник, сходила в душ и нырнула в холодную кровать. Белье было неприятно скользким на ощупь и совсем не грело, но я все равно закрыла глаза и попыталась расслабиться. Мне это даже почти удалось.

Сверху начал раздаваться мерный скрип, словно кто-то прыгал на кровати почти без остановки. Нет, я понимаю желание ломать здешнюю мебель у тех, кто впервые увидел их цены, но почему бы не заняться этим утром? Скрип не прекращался, напротив, к нему добавился еще и скрип справа. Такими темпами к утру в этой гостинице ни одной целой кровати не останется!

Внезапно справа же раздались женские стоны. Незвестную фьордину мучили так, что она стонала все громче и громче, а потом разразилась ужасающим воплем. Убили! Ее убили прямо сейчас! Прямо при мне! Я подскочила на кровати и дрожащими руками натянула платье. Нужно прилично выглядеть – скоро приедут из Сыска. Я осторожно выглянула в коридор, но крашенная фьорда сидела как ни в чем не бывало, даже тени беспокойства не пробегало по ее лицу.

– Фьорда, вы Сыск вызвали?

– Зачем?

Она с явным сожалением оторвалась от рассматривания ярких магографий в журнале.

– Но как же? Женщину убили... – растерянно сказала я.

– Какую еще женщину? С чего вы взяли?

– Она так кричала. Неужели вы не слышали?

– Боги? Откуда тебя принесло? – расхохоталась она. – Не всегда кричат, когда убивают. Иногда – когда очень хорошо, поняла?

– Нет...

– Не обращай внимания, здесь часто так кричат.

– Но как же тогда спать?

– А ты сюда спать пришла?

– А зачем еще в гостинице номер снимают?

– Понятно, – протянула фьорда, продолжая насмешливо на меня смотреть. – Тогда иди спать и не обращай внимания, если кто еще орать будет.

Легко сказать, не обращай! Когда я вернулась в номер, сверху к скрипению кровати еще и уханье начало доноситься. Фьорду надоело прыгать тихо? Хорошо, что на кровати были две подушки – на каждое ухо пришлось по одной. Звук долетали, но уже не были такими сильными.

Я закрыла глаза и постаралась уснуть. Сон долго не приходил, а когда пришел, постоянно прерывался. Фьорда-коридорная оказалась права: кричали здесь часто. Сыску легче было бы устроить постоянное дежурство, чем приезжать на

каждый вопль.

Утром я встала невыспавшаяся и несчастная. А когда пришла пора надевать туфли, несчастья мои еще многократно возросли. Чтобы этому Берлисенсису его крошка всю ночь вот так в ухо вопила и на кровати с ним прыгала! Выплеснув в этом пожелании накатившее раздражение и понадеявшись, что оно дойдет до ушей хотя бы одного бога, я покинула эту ужасную гостиницу.

Нужно было решать, где и как провести день и что делать с необходимостью переночевать во Фринштаде еще один раз. Но пока мысли были только о еде. Получается, я не ела сутки. Желудок требовательно сжимался и вопил, полностью заглушая шепот мозга, и так еле слышный. Единственное место в столице, где я видела несколько пунктов питания, – вокзал. И если чистенькое кафе с весело снующими около столиков официантками мне было точно не по карману, то рядом с залом ожидания находился и буфет. Не столь заманчиво выглядящий, но и не закладывающий эту заманчивость в свои цены.

Похромала я туда довольно бодро. Я волочила за собой чемодан и впервые в жизни радовалась собственному скудному гардеробу. Если бы у меня было столько вещей, сколько положено приличной фьорде, разве могла бы я с такой тяжестью передвигаться? Я вспомнила, что вчера Берлисенсис даже не подумал предложить поднести чемодан, а ведь он не мог знать, что там почти ничего нет.

Совершенно ужасный фьорд. Бабушка говорила, что его семья придерживается старинных традиций, но этот представитель древнего рода был слишком странным: плохо воспитанным, наглым, жадным, да еще и пользовался косметикой. Не так сильно, как фьорда-коридорная из гостиницы, но все же заметно. И вот за такое меня хотели выдать!

Я почувствовала, как внутри все закипает. Или это раздалось бурчание из живота?

Буфет уже работал, но цены были такие... Мозг с новыми силами начал намекать желудку, что можно потерпеть до завтра, что за два дня с голоду не умрешь и что есть даже практики лечения голодом. Очень действенные, говорят.

– Выбрали, фьорда?

Буфетчик изо всех сил старался быть вежливым, но получилось у него плохо: слишком резкий голос и взгляд в упор не способствовали возникновению доверия.

Желудок вырвался вперед и взял на себя командование, но наглеть не стал.

– Да. Бутерброд с сыром и чай.

– И все? Красивой фьорде нужно хорошо питаться, чтобы красоту не потерять.

После вчерашнего знакомства с женихом фраза прозвучала настоящим издевательством. Можно подумать, этот фьорд не видит, что на мне платье устаревшего фасона. Или он уверен, что после такого комплимента я оставлю здесь все свои деньги? Не дождется!

– Если я буду у вас хорошо питаться, мне не на что будет уехать домой, – ответила я, отсчитывая нужное количество эвриков.

– Неужели не нашли здесь хорошей работы? – сочувственно сказал буфетчик. – В провинции с этим хуже. Жилье дешевле, но и зарплат таких не найти. Вы не поторопились, фьорда?

Он подал бумажную тарелочку с бутербродом и чашку с дымящимся напитком, чистота которой мне показалась сомнительной, но я все же взяла и вежливо поблагодарила.

– Фьорда, вы наверняка выбрали неудачное агентство, – не унимался он. – У меня родственник – владелец бюро по трудоустройству. Вот у него всегда самые лучшие варианты. Вы же в Центральное ходили?

Я зачем-то кивнула.

Буфетчик воодушевился моим откликом и продолжил с новыми силами:

– Ну вот. Они не только процент высокий дерут, но и работают отвратительно. Чтобы такой красивой молодой фьорде подобрать ничего не смогли? А если я дам записку к Теодоро, он вам еще и скидку сделает.

Не дожидаясь моего согласия, он жестом фокусника вытащил из-под прилавка яркую визитку и нацарапал на обратной стороне несколько коротких слов.

– Держите. – Он протянул ее с таким видом, словно осыпал всеми земными благами. И неземными тоже. – Это со-

всем рядом, через квартал. Здесь и схема есть, как дойти. Пока не сходите к Теодоро, даже не думайте уезжать! Что вы забыли у себя дома? Жениха? – Он фривольно подмигнул. – Так у нас выбор куда шире!

– Нет уж, не нужны мне никакие женихи, – недовольно фыркнула я.

Мне этого, согласованного между бабушками, более чем хватило. Чтобы я еще раз согласилась на подобную авантюру? Ну уж нет. Честь семьи Кихано не выдержит такого моего мужа. Пусть мы бедные, но у нас есть гордость. Даже брат предпочел заниматься грязной работой, чтобы нам помочь, но не женился на той девице...

– Тем более! Тогда зачем уезжать?

И визитка перекечевала на тарелочку к бутерброду. Не такому уж большому.

Откусывая по малюсенькому кусочку, я тщательно прожевывала, стремясь растянуть на подольше, но он был такой маленький, а я – такая голодная, что даже не заметила, как все проглотила. На тарелке не осталось даже крошек, только бумажка с адресом, на которую я рассеянно смотрела.

Я пила чай, обжигающе горячий, но не очень крепкий, и думала, как же мы будем жить дальше. Призрачная возможность, что жених оплатит часть долга, лопнула, как мыльный пузырь. Пенсию от военного ведомства на меня больше платить не будут, а со следующего года – и на сестру. Как я теперь вернусь домой с полностью потраченными деньгами и

скажу, что ничего не получилось? А жить на что?

Мелькнула мысль, не позвонить ли фьордине Соледад Беранже, пусть оплатит хотя бы обратную дорогу. Предложение было с их стороны, и после разговора с «женихом» я его иначе как издевательством не могла считать. Но потом вспомнила, как отзывался о ней внук, и поняла – это бесполезно, только деньги зря потрачу. Не та это семья, от которой можно ждать благородного поступка. Лучше от настроения подобных людей не зависеть.

Нужно было настоять и пойти работать в библиотеку. Но и без библиотеки можно что-то найти. Нельзя же, чтобы все делал только Алонсо? Взгляд опять зацепился за яркую карточку, лежавшую передо мной. И я подумала – а почему бы нет? Все равно раньше завтрашнего дня уехать не получится. Вдруг я смогу найти работу во Фринштаде? Пусть не самую высокооплачиваемую, зато брату не придется обо мне беспокоиться. Может, и бабушке с Маритой смогу отсылать хоть немного. А если уж совсем повезет... Тут я себя одернула. Ни к чему мечтать о несбыточном. Пока о везении не приходится говорить.

Я взяла визитку и внимательно изучила. Идти действительно недалеко. С сожалением поставила опустевшую чашку на столик и поднялась. Схожу, пожалуй. Глупо сидеть в ожидании экспресса и ничего не делать.

Теодоро оказался невысоким смуглым фьордом с седыми висками и темными, почти черными глазами в лучиках

смешливых морщинок. Располагал он к себе сразу, поэтому очень походил на жулика. Но я все же протянула ему визитку с заметками буфетчика. Денег у меня нет, много не вытянет.

– Фьорда, вы сделали правильный выбор, – воодушевился он. – Сейчас мы вам непременно подберем работу. От Теодоро еще никто не уходил недовольным. И беру я всего пять процентов от жалованья за первый месяц.

– Но у меня нет денег, – предупредила я сразу.

– Ничего страшного, – небрежно махнул он в мою сторону рукой с увесистой папкой. – Отдадите с первой зарплаты. Вы честная фьорда, это сразу видно.

Известие, что платить прямо сейчас ничего не надо, меня порадовало и показалось признаком грядущей удачи. Да я ему и больше отдам с первой зарплаты, если он подберет хорошую работу.

– Имя? Фамилия? Возраст? – Он достал чистый бланк, в котором кругленьким мелким почерком заполнял нужные графы. – Уровень Дара? Стихия?

– Дульсинея Кихано, восемнадцать. Точного уровня Дара не знаю. Воздух, – бодро отрапортовала я.

Он достал артефакт для определения, попросил меня положить на него ладонь, загадочно пощелкал и сказал:

– С погрешностью в пять пунктов – восемьдесят четыре. Весьма прилично.

Я пораженно молчала. У Алонсо был восемьдесят один пункт, и он считался очень сильным в магическом плане.

Мой Дар может быть еще выше? Впрочем, и ниже тоже. Теодоро не позволил мне долго собой восхищаться и продолжил:

– Образование?

– Полное среднее. Школа для девочек в Аройе.

– Полное среднее – это хорошо, – удовлетворенно сказал он. – Восемнадцать – плохо.

– Почему?

– Специальности у вас нет, – пояснил он. – Значит, взять вас могут только туда, где никакой квалификации не нужно, или туда, где требуется обучение. В обоих случаях не рассчитывайте на аванс. Следовательно, вам нужна работа с проживанием, так?

– Наверное, – неуверенно сказала я.

Его деловой подход меня немного обескуражил, но и порадовал. Возникало впечатление, что он мгновенно продумывал абсолютно все и что без направления на работу я отсюда не уйду.

– Не наверное, а точно, – подчеркнул он что-то в своей анкете. – И желательно еще с питанием... А это существенно снижает круг вакансий. Так, а что вы умеете делать? Где вы работали раньше?

– Только дома, – ответила я.

– Убираете-готовите? Готовите хорошо? У меня заявка на кухарку есть. Зарплата – пальчики оближете! – В доказательство своих слов он чмокнул кончики собственных пальцев. –

Сейчас найду, посмотрим. – Теодоро зарылся в недра картошки, бормоча про себя: – А странно, что она у меня не закрыта, в самом-то деле, не должность – конфетка. Ага, вот. Требования... Так... Так... А как у вас с корбинианской кухней?

– Никак, – растерянно ответила я. – Я готовила только самое простое и только наше.

– Тогда вы не подходите. Корбинианскую кухню мало кто знает, поэтому и не закрыта заявочка до сих пор. Посмотрим, что тут у нас еще. О, вот! Горничная в дом лесопромышленника. Требования – не моложе сорока.

Он с некоторым сомнением посмотрел, прикидывая, не удастся ли меня туда сплавить, но все же отложил и эту карточку.

– В горничные не могу, – торопливо сказала я. – Это урон чести семьи.

– Первый раз слышу, что работой можно уронить честь, – возмущенно сказал Теодоро. – Что это у вас за честь, если она такая хрупкая?

Я покраснела, некстати вспомнив, что у брата работа сейчас тоже не слишком чистая, но он почему-то считает так же, как этот фьорд, и испачкаться не боится.

– Меня бабушка не поймет, – расстроено пояснила я. – Непременно ругаться будет.

– Ругающаяся бабушка – это серьезно, – ехидно сказал он. – Это самый важный критерий, по которому следует под-

бирать работу. Так, что у нас еще? Опять горничная, но уже в гостиницу. Денег побольше предлагают, кстати, чем лесопромышленник, жилье тоже дают. И чаевые будут.

Отповедью про бабушку он меня почти убедил, что бесчестной работы не бывает, но при упоминании о гостинице я сразу вспомнила ужасную ночь, проведенную там, и поняла – эта работа не для меня. Здесь на одни затычки для ушей половина зарплаты уйдет.

– Неужели у вас совсем для меня ничего нет, кроме работы прислуги? – с отчаяньем спросила я.

– А чего вы хотели? – удивленно спросил он. – Образования у вас нет, делать вы тоже ничего не умеете. Дар есть, конечно... А ведь что-то было с таким требованием, – задумчиво протянул Теодоро. – Сейчас, дайте-ка вспомню...

Он поставил обе руки локтями на стол, опустил к ним лицо и начал постукивать пальцами по лбу. Видимо, от такой нехитрой процедуры мысли в его голове забегали быстрее, так как он оживился и полез в нижний ящик своего небольшого стола, откуда извлек тоненькую папку с надписью «Вояки». С завязочками приятного розового цвета.

– Вспомнил! – Он вытащил верхний листок из этой папки и начал зачитывать отдельные фразы: – Военное ведомство объявляет набор девушек с Даром не ниже... ага, точно, здесь было, вы проходите, и даже с приличным запасом. – Теодоро удивленно на меня посмотрел: – Фьорда, а почему вы не в Академии? Впрочем, это не мое дело. Так, что там

дальше?.. На шестимесячные курсы медсестер...

Я сразу поняла: вот она, моя вакансия! Лечить людей – в этом нет никакого урона ничьей чести. Бабушка возразить не сможет.

– Проезд к месту обучения за счет ведомства, проживание в общежитии за счет ведомства, – продолжал просвещать меня Теодоро. – Даже питание за счет ведомства!

Да! Все как мне нужно! Я счастливо улыбнулась.

– Зря радуетесь, фьорда, – заметил он. – Только завтраки, а стипендия крошечная. Год придется отрабатывать на вояк, или они сдерут с вас за все, полученное бесплатно, а зарплаты у медсестер невысокие. Обучение в Любарре, это крошечный городишко в богами забытом месте. Зачем это вам, молодой красивой фьорде? Вы горничной в гостинице за день получите больше, чем там за месяц.

– За что мне в гостинице столько платить будут? Там что, пыль золотая, которую по весу принимают? Нет, мне ваше последнее предложение нравится намного больше. Помогать героям Империи – честь для любого человека.

На Теодоро, который явно хотел возразить, мои слова произвели впечатление. Он поперхнулся, откашлялся и проворчал:

– Наверное, и в самом ведомстве тоже так считают, если предлагают такие смешные зарплаты медсестрам с Даром. Да они только на вате и спирте сэкономят столько, что могли бы раза в три поднять и еще останется. Фьорда, может, мы еще

что посмотрим?

– Нет-нет, – торопливо сказала я, – курсы медсестер мне подходят, ничего больше искать не нужно. Вы мне дайте туда направление и скажите, куда идти и сколько денег я вам должна перечислить.

Да, так и только так! Дела должны быть в порядке, а счета – оплачены. Я уже представляла, как мою магографию печатают все центральные газеты в рубрике «Герои нашей Империи». Вот бабушка обрадуется...

– Подождите, я свяжусь с ними, – охладил мои мечты Теодоро. – Возможно, не набирают уже, а я вас отправлю на другой конец города. Вы же мне спасибо за это не скажете? Не скажете.

Он придвинул листок с описанием вакансии, которую я уже считала своей, достал переговорный артефакт, не такой новенький, как у Берлисенсиса, но довольно современный и яркий, и набрал нужную комбинацию.

– Добрый день!.. Бюро по трудоустройству «Айрес». Вы объявляли набор на курсы медсестер, это еще актуально?.. Да, девушка с Даром... Да... Да... Нет.

Он отключил магофон и недовольно на меня посмотрел.

– Объявление еще действительно. Но вы все же подумайте еще раз, фьорда.

– Я уже подумала. Давайте адрес.

Вся наша семья отличалась твердостью в этом вопросе. Если уж решили что-то, то все – решили. Количество денег –

не та причина, по которой можно решение изменить. Теодоро это понял и с кислым безрадостным видом начал заполнять форму, которую потом вручил мне.

– Адрес на обратной стороне. Там и схема проезда нарисована. Вам в кабинет триста восемнадцать.

– Спасибо! – Я со счастливой улыбкой разглядывала направление с красивой эмблемой военных сил Империи. – А ваш адрес? Куда деньги переводить за помощь?

– Военное ведомство заплатит, – отмахнулся он. – С вас денег брать не буду.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила я. – Скажите, а долго туда пешком?

– Пешком? – удивился он. – От вокзала до военного ведомства идет трамвай номер восемнадцать, в направлении написано.

– Я лучше пройду. Прогуляюсь, столицу посмотрю, – независимо сказала я.

Денег у меня в обрез. Не получится с курсами – придется домой возвращаться, поэтому траты на трамвай совсем не к месту.

– Прогуляетесь? Фьорда, у меня дела на том конце города, могу подвезти. А прогуляетесь как-нибудь потом, когда ноги подлечите и перестанете хромать.

– Спасибо, – только и смогла я выдавить. – Вы такой добрый!

Какая отвратительная вещь – нищета! И как прекрасно,

что есть такие замечательные фьорды, как Теодоро!

– Хотелось бы верить, – проворчал он, – что моя доброта не испортит вам жизнь. Может, все же вакансии горничной, а?

Глава 4

Здание военного ведомства было старинным, с большим количеством резных каменных украшений, призванных замаскировать от постороннего взгляда легкую дымку сильных охранных заклинаний. Все выглядело солидно и придавало уверенности в правильности выбора.

Теодоро, который довез меня до самого места, утверждая, что ему по дороге, на прощание опять спросил, не передумала ли я. Мол, зарплата маленькая, условия не самые лучшие, еще и придется жить в дыре. На что я его снова поблагодарила за помощь, попрощалась и захромала в сторону плотно закрытых дверей, за которыми меня ждало счастливое будущее героев Империи.

Дверь в это прекрасное место я открывала с душевным трепетом: сейчас все решится. Меня могут не взять, у них наверняка строгий отбор и очередь желающих.

Правда, в просторном фойе очереди не было, что порадовало, а был там лишь один скучающий лейтенант со знаками мага Огня на лацканах кителя.

– Вы к кому, фьорда? – строго спросил он.

От волнения голос у меня пропал, поэтому я просто протянула направление. Он так долго и внимательно его изучал, что я решила – отправит сейчас назад, и все.

– Фьорда, я правильно понимаю, что вы хотите попасть на

курсы медсестер?

– Да, – подтвердила я.

Сейчас скажет, что зря пришла. Вот как внимательно рассматривает. Наверное, у меня аура подозрительная...

– Триста восемнадцатый кабинет, – радостно сказал он. – Как подниметесь по лестнице на третий этаж, поверните направо.

– А там? – робко спросила я.

– А там сразу увидите.

Бодрости его слова не прибавили, потому что я поняла: очередь не заметить сложно. Наверное, медкомиссию проходят, тесты всякие, родственников проверяют... Ой, Алонсо же в Корбинианском королевстве работает... Все, не возьмут.

Но когда я поднялась на третий этаж и повернула направо, никакой очереди не увидела. А вот дверь в нужный кабинет оказалась первой рядом с лестницей. Как я сразу не подумала – столичные жители редко встают рано, не успели подойти. Я сразу воспряла духом – мои шансы возросли. Или нет? Вдруг меня станут намного тщательней проверять из-за того, что нет очереди?

– Вы к кому? – скукаяще спросил майор в нужном кабинете.

Даже журнал с моделями левитационных средств не отложил при моем появлении, лишь бросил беглый взгляд и опять в него уткнулся. Да, глаз у него наметанный, сразу

понял, что не подхожу. Но уходить просто так неприлично, поэтому я положила перед ним направление. Может, этому доброму Теодоро, который меня подвез, заплатят хоть что-то? Пусть я и не подойду.

– На курсы медсестер? – зачем-то уточнил он. – С Даром в восемьдесят четыре пункта?

– А этого мало? – робко спросила я.

Никогда бы не подумала, что военное ведомство предъявляет более высокие требования, чем Магическая Академия. Впрочем, чему тут удивляться? От этого же зависит безопасность страны.

Майор отложил журнал и посмотрел более внимательно.

– Так вы уже с вещами? – радостно сказал он. – Это по-нашему, по-военному. На курсы медсестер, значит?

Он широко улыбнулся и даже привстал в знак приветствия.

– Действительно, чего тянуть! – продолжил он и начал рыться в ящиках, вытаскивая разные бланки и засовывая их назад. – Не то, не то, опять не то... Да где же они? Да вы садитесь, фьорда, – он бросил взгляд в направление, – Кихано.

Наконец он нашел нужное и вместе с направлением, выданным в бюро, засунул на несколько секунд в плоский артефакт, после чего вытащил бланк уже заполненным.

– Распишитесь вот здесь, – указал он.

Я не верила в свою удачу. Неужели наконец мне повезло? Меня возьмут в такое ответственное место даже без медко-

миссий? И без проверки подозрительных родственников в Корбинианском королевстве? Или свою роль сыграло то, что у нас с ним сейчас дружественные отношения?

– Фьорда, так подписывайте, – проявил нетерпение майор.

Я очнулась и быстро поставила подпись, пока он не передумал.

– Замечательно, – сказал он, снял слепок моей ауры на плоский зеленоватый кристалл, пристроил на заполненный бланк и отправил в телепортационное устройство.

– Все, фьорда, – счастливо улыбнулся он, – считайте, вы уже на курсах. Сейчас свяжусь с порталистами, узнаю, смогут вас прямо сейчас отправить или нет.

– Прямо сейчас? – восторженно сказала я.

– Вещи у вас с собой, бумаги мы оформили. – Он начал набирать на стационарном артефакте связи нужные символы, помолчал немного, потом возмущенно сказал: – Так в порталной и не починили общий магофон. Безобразие, третий день уже. Ничего, я сам схожу.

Он бодренько поднялся и пошел к выходу из кабинета.

– Фьорд, можно воспользоваться вашим артефактом и связаться с бабушкой? – нерешительно спросила я.

– С бабушкой? – застыл он на пороге. – А почему нет? Документы вы уже подписали.

– Спасибо.

Но моя благодарность до него не долетела – так он торопился выполнить свой военный долг. Какие потрясающе

добрые фьорды мне попадаются! Значит, не все во Фринштаде такие эгоистичные, как Берлисенсис.

Я придвинула поближе громоздкий военный артефакт связи и набрала бабушкину комбинацию. Взяла она тут же.

– Это кто? – раздался встревоженный голос.

– Бабушка, это я, Дульче.

Бабуля и не подумала успокаиваться:

– Почему такой странный вызов?

– Я из военного ведомства. Меня направили на курсы медсестер, – гордо сказала я.

Долгое молчание. Наверное, бабушка не могла подобрать слов для выражения восторга. Служить Империи – это так почетно!

– Зачем? Внук Соледад чем-то болен, если возникла такая необходимость? И почему курсы от военного ведомства?

– Понимаешь, бабушка, – я попыталась смягчить известие, – мы с ним с первого взгляда поняли, что друг другу не подходим. Такое тоже бывает. Значит, Бруно Берлисенсис – не моя судьба. А еще он плохо воспитан.

По раздавшимся звукам я поняла, что бабушка от неожиданности уронила магфон.

– Дульче, что у тебя там случилось? – взволнованно спросила Марита.

– Этот «жених» – то еще сокровище! – От сестры я скрывать ничего не стала. – Думаешь, почему они ближе невесты не могли найти? Потому что больной он, полностью больной

на всю голову. А еще косметикой пользуется, как престарелые фьордины, чтобы покрасивее быть. Этой семье просто нужна была безропотная фьорда с хорошим происхождением, на которую не придется много тратиться. Нам они помогать не собирались. А еще с этим Бруно при мне связывалась девица, с которой он ночь собрался провести, представляешь? И он не только принял вызов, но и заявил мне, что менять после свадьбы ничего не собирается. А потом предложил уже мне пойти с ним в гостиницу, чтобы он мог проверить... Что проверить, я, правда, не поняла. Но приличные фьорды по гостиницам с мужчинами не ходят, я это точно знаю. И зачем такое счастье нашей семье? Это же позор будет, если я с Берлисенсисом свяжу жизнь. Позор для всей нашей семьи. Я и решила – пойду работать. Это же лучше, чем ждать неизвестно сколько второго жениха? Вдруг таким же Берлисенсисом окажется. Меня на курсы медсестер от военного ведомства направили.

– Ничего себе! – восторженно сказала сестра.

Тут как раз бодрый майор вернулся, и я торопливо сказала:

– Мне пора. До свидания. Бабушку поцелуй за меня.

– Дульче, подожди, – раздался бабушкин голос.

Но я уже отключила артефакт. Нельзя заставлять ждать такого ответственного и заботливого майора, который лично сходил узнать, когда меня отправляют. А я, получив первую стипендию, непременно с ними свяжусь. Тогда времени бу-

дет побольше, чтобы выслушивать бабушкины слова одобрения. А то она иной раз бывает слишком словоохотливой...

– Поговорили, фьорда Кихано?

В голосе майора мне почудилась некоторая настороженность. Но, наверное, почудилась – с чего бы ему беспокоиться? Я же не могла высказать сестре никакой военной тайны по магофону? За время, проведенное в военном ведомстве, я ее просто узнать не успела бы.

– Да, фьорд майор.

Я поднялась, показывая, что готова идти, куда скажут.

– Замечательно, – расплылся он в улыбке. – Вещи у вас с собой, с родными поговорили, у телепортистов как раз свободное время. Отправим вас прямо сейчас – до обеда успеете пройти все формальности.

Он вручил мне документ о зачислении на курсы. Документ внушал уважение – плотная бумага, магически обработанная, несколько печатей и подписей. Да, это вам не горничная в гостинице, сюда кого попало не берут!

Хорошо, что телепортационная находилась на втором этаже и не пришлось далеко идти. Ноги за ночь так и не отдохнули, ступни горели огнем, а на пятках резвилось целое семейство саламандр. Очень большое семейство, надо признать, и очень подвижное.

Само помещение телепортационной было не очень большим. Прямо скажем, крошечным. Кроме стационарного портала, рассчитанного на проход по одному, туда ничего не

влезло бы. Зато дверной проем и стены были нашпигованы артефактами, назначение которых у меня не вызывало сомнений. Отследить и уничтожить, если вдруг врагу удастся проникнуть в это секретное место.

Сами телепортисты сидели в соседней комнате и неторопливо пили чай. При нашем появлении один из них, мундир которого был до предела натянут на круглом животе, с сожалением отставил чашку и вышел в коридор. В его усах запутались крошки стратегического пищевого запаса.

– В Любарре? – уточнил он. – Чемодан не слишком тяжелый? Поправку делать не надо?

– Он совсем не тяжелый, – убедительно сказала я.

– Какую поправку? – возмущенно сказал сопровождавший меня майор. – Даже если чемодан весит столько, сколько она, все равно укладывается в стандарт. Вам лишь бы деятельность показать. Лучше добейтесь починки артефакта связи, а то лично ходить приходится.

– Разминка при сидячей работе полезна, – невозмутимо ответил телепортист и достал из ниши в стене рядом с телепортом засаленную книгу таблиц.

– Вам она точно не мешает, – ядовито сказал майор и для убедительности ткнул в живот оппонента, прямо в одну из пуговиц.

Тот поморщился, но сделал вид, что ничего особенного не случилось, и начал пролистывать справочник. Наверное, меня в такое секретное место отправляют, что его координаты

ты даже запоминать нельзя. Эта мысль наполнила меня гордостью за правильно сделанный выбор.

Телепортист набрал нужную комбинацию кристаллов и стал ждать ответного сигнала. Его не было.

– Что они там, уснули? – недовольно сказал телепортист, когда его вызов погас. – Для обеда еще рано...

– А вдруг на них напали? – предположила я.

Военные дружно хрюкнули, телепортист закашлялся – наверное, крошка с усов попала в рот, а оттуда неправильно направилась. Не в то место пошла.

– Давайте повторим вызов, – сказал майор. – Возможно, вызвали к начальству, не успел вернуться.

Такое пренебрежение к моим словам показалось обидным. Мог хотя бы проверить! А то собирается отправить девушку туда, где непонятно что происходит. Вызвать Любарре по артефакту связи. Любарре... какое красивое название у города! Странно, что я его ни разу раньше не слышала. Значит, очень секретное место.

Телепортист скорчил недовольную физиономию и заново набрал код. В этот раз ответ пришел сразу. Сигнал радостно замигал зеленым, после чего телепортист оживился, потыкал еще куда-то, и передо мной появилось огромное пятно, переливающееся всеми цветами радуги. Но не яркими, а какими-то грязноватыми. Приглядеться не дали. Майор скомандовал: «Вперед!» и ошутимо толкнул меня в спину. Выпала я уже с другой стороны, прямо на встречающего телепорти-

ста. Вдогонку вылетел чемодан, который я неосмотрительно выпустила из рук в ожидании отправления.

Чемодан для встречающей стороны оказался совсем лишним. Молодой лейтенант свалился на пол, пытаясь при этом удержать меня, так что я тоже упала и опять порадовалась, что вещей мало, поскольку чемодан прихлопнул меня сверху.

– Любарре? – спросила я.

– А вы не знаете, фьорда, откуда собрались захватывать мир? – прошипел он, полностью деморализованный моим появлением. – Любарре, конечно, что же еще.

Да, боеготовность здесь не очень. Если бы вместо меня из телепорта выпал вражеский маг, на месте имперского офицера осталась бы кучка пепла. А он еще шутить пытается.

Смотрела я на него с осуждением.

– Фьорда, давайте отложим более близкое знакомство до конца моего дежурства? – предложил он, безуспешно пытаясь из-под меня вылезти. – Моя кровать намного удобнее этого пола, поверьте.

Своим предложением он себя немного реабилитировал в моих глазах. Какой заботливый – видит меня первый раз, а уже готов кровать уступить...

– Зачем мне ваша кровать? – Я гордо встала и поправила платье. Одна туфля слетела, чему я только порадовалась. – Мне свою дадут! Вот направление на курсы медсестер.

Тут я поняла, что направления у меня нет. Успела испу-

гаться, что сразу по прибытии попаду под арест (в таком защищенном месте должно быть строго с документами), как направление нашлось. Лежало оно под лейтенантом, который наконец-то перестал валяться на полу, поднялся и отряхивал мелкий мусор, прилипший к кителю и форменным штанам. Нельзя сказать, чтобы его одежда от этого стала выглядеть лучше, ей не помешала бы серьезная чистка и глажка.

– Вот оно, – гордо сказала я, подняла направление и показала, чтобы отпали последние сомнения в том, что я не просто так на него свалилась.

– На курсы медсестер? У нас такие есть? – удивился он.

– Меня же направили, – пояснила я.

А потом подумала: вдруг эти курсы настолько секретные, что у него нет допуска, а я разглашаю имперскую тайну? Оправдывало меня только то, что подписку о неразглашении я не давала, и никто меня не предупреждал, что можно говорить, а что нельзя.

Тем временем телепортист потыкал в артефакт связи, маскирующийся под очень древнюю модель, и сказал:

– Телепортационная, у меня здесь фьорда выпала с направлением на какие-то курсы медсестер. Куда ее?

Я подняла отлетевшую туфлю и, сжав зубы, натянула на ногу. Нужно прилично выглядеть, как бы мучительно больно это ни было. Чемодан я тоже поставила аккуратно. Жаль, здесь нет зеркала, чтобы посмотреть, как я выгляжу. Доста-

точно ли хорошо, чтобы произвести нужное впечатление на ответственного за курсы?

— Фьорда, подождите в коридоре, — сказал лейтенант после завершения разговора. — За вами скоро придут.

Вышел он вместе со мной, приложил руку к захлопнувшейся двери и удалился. Коридор был узкий и темный. Стульев не было, поэтому я присела на чемодан. Хуже ему уже не будет, а стоять неизвестно сколько не хотелось. Поскольку никого не было видно, я украдкой почти полностью вытащила ноги из туфель, но так, чтобы надеть сразу, как кто-то появится. Я прислонилась к стене спиной и стала ждать. Было тихо, приглушенный свет не бил по глазам, но я все равно их прикрыла, представляя, какое блестящее будущее меня ожидает после этих курсов. Как бабушка будет мной гордиться и как...

— Фьорда, это вас прислали на курсы медсестер?

Резкий женский голос вывел меня из состояния счастливой мечтательности.

Я открыла глаза. Ко мне склонилась фьордина лет пятидесяти, сухопарая, с вытянутым недовольным лицом. Формы на ней не было, а не слишком новое платье строгого фасона не позволяло определить, кем она работает. Но я все же торопливо встала, почти не поморщившись при попадании в свои ужасные туфли, и ответила:

— Да, меня!

Я протянула направление, которое не выпускала из рук. А

то потеряешь и в тюрьму попадешь по обвинению в военном шпионаже и проникновении в закрытую зону.

Фьордина неохотно взяла бумагу и начала пристально изучать. Раньше мне казалось, что в армии проводить проверку должны артефактами, но, наверное, в возрасте этой дамы и с ее опытом лишние устройства не нужны.

– Какому идиоту это пришло в голову? – прошипела она, почти не разжимая зубы. – С вашим уровнем Дара – в медсестры?

– Он недостаточно высокий?

Я расстроилась. Меня не возьмут, придется с позором возвращаться к родным, которых я уже обрадовала. Бабушка скажет, что я опозорила семью. И замуж не вышла, и Империи оказалась не нужна.

– Он у вас слишком высокий, – отрезала фьордина. – Нужно было в объявлении поставить ограничение на сорок пунктов. К чему медсестре больше? Почему вы не в Академии, вам там самое место?

Вопрос болезненный. Не объяснять же всем подряд, что бабушка отпустила бы меня, только если бы мы смогли купить приличную одежду? Не такую, в которой семью Кихано только позорить.

– Так получилось.

Я опустила глаза в пол, не желая, чтобы фьордина догадалась о причине.

– Боги, да зачем я спрашиваю? – устало сказала она. – По-

чему-то многие наши аристократы до сих пор уверены, что дочерям образование не нужно. Найдут жениха и считают, что этого достаточно. Впрочем, вас же отправили на курсы?

– Меня не отправляли, – пояснила я. – Я сама.

– И зачем вам это понадобилось?

– Как зачем? – вскинула я удивленные глаза. – Это же так почетно – лечить героев Империи!

– Работать на Империю тоже почетно, – насмешливо сказала фьордина. – В особенности после окончания Академии. Если уж решила приносить пользу стране, то лучше стать дипломированным магом.

Я не ответила.

– Фьорда Кихано, вы контракт подписали? Может, вам лучше вернуться во Фринштад и пойти в Академию?

– Конечно, – удивленно ответила я. – Разве меня в другом случае сюда отправили бы?

– Еще как отправили бы, – проворчала она. – Совсем они там с ума посходили, в этом центральном управлении. Дурят детей, как хотят. Пойдемте, будем вас как-то устраивать...

– Мне говорили, что дадут место в общежитии, – вспомнила я. – Или у вас все места в общежитии заняты?

– Кем они могут быть заняты?

– Другими учащимися курсов.

– С момента размещения объявления вы первая, кто выразил желание здесь учиться. Так что служебное жилье у вас будет.

Жилье – это уже хорошо. Не думаю, что благородства встретившего меня лейтенанта хватило бы на долгий срок моего обучения. Но даже если хватило бы, некрасиво с моей стороны пользоваться чужой воспитанностью и захватывать его кровать насовсем. Фьорды из семьи Кихано так не поступают.

– А стипендия? Мне обещали стипендию.

– Выдадут через месяц.

Вздых удалось удержать в себе. Немного эвриков сейчас совсем не помешает. Я купила бы себе тапочки. Мягкие, без задников, чтобы не касались раздраженного саламандрового семейства...

– Фьорда Кихано, что у вас с ногами? – внезапно спросила фьордина.

– Я их немного натерла.

– Снимите туфли и покажите пятки.

Тон у нее был такой, что невозможно было не подчиниться. Да и повод избавиться от ужасной обуви хотя бы на время показался подходящим. Фьордина потыкала пальцами в мои исстрадавшиеся ноги, опять что-то прошипела, подняла туфлю и возмущенно сказала:

– Это не обувь, а пыточный инструмент! Как вы вообще в таких ходите? Я вас сейчас немного подлечу, а вы наденете что-нибудь другое.

– У меня другого нет, – потупив глаза, ответила я.

– Как это – нет? У вас с собой целый чемодан вещей, и вы

хотите сказать, что там нет никакой обуви, даже тапочек?

Недоверчивая фьордина подняла мой чемодан, и брови ее поползли вверх. Наверное, почувствовала, как там перекачиваются две книги в компании полотенца.

— Так получилось.

Я смущенно пожала плечами. Мне обещали новый гардероб и все радости жизни. К чему было набирать чемодан старья? Кто же знал, что этот Берлисенсис окажется таким, мягко говоря, странным фьордом? А ведь я готовилась пожертвовать собой ради семьи. Но только ради своей! Жертвовать во имя Берлисенсисов я ничем не собиралась. Пусть ищут другую фьорду, согласную сидеть дома в то время, как муж развлекается почему зря в обществе всяких крошек.

— Вы что, из дома сбежали, фьорда Кихано?

— Нет, я уезжала к жениху.

— Почему не доехали?

— Доехала. — Тут я замялась, не желая выкладывать подробности своей помолвки. Да и к чему они этой фьордине? — Теперь у меня жениха нет.

Она укоризненно на меня посмотрела и проворчала:

— Глупые девочки, что же вас так разные сволочи привлекают?

Я опять пожала плечами. Не объяснять же, что Берлисенсис, хоть и самая настоящая сволочь, не привлекал меня даже до нашего знакомства? А уж после встречи я уверилась, что гаже фьорда просто нет.

– Так, фьорда Кихано, постоитесь здесь, я сейчас приду. Туфли не надевать! – приказала она, заметив, что я за них взялась.

Приказ был из тех, что я выполнила с радостью. Я и сама с удовольствием выбросила бы свою обувь на ближайшую помойку. И останавливало меня совсем не то, что я не знала, где находится помойка в Любарре, а то, что другой обуви у меня просто не было.

Фьордина вернулась быстро и принесла пару поношенных тапочек мышиного цвета, рассчитанных на элитного представителя наших доблестных сил. Размер тапочек был таков, что для заполнения одной потребовалось бы три моих ноги. Итого – шесть. Столько ног у меня не было.

– Они очень большие, – заметила я.

– В нашем госпитале слишком маленький выбор, извините, – саркастично сказала фьордина. – Ничего, сейчас я вам ноги подлечу, до магазина дойдете, там купите что-то более подходящее.

– У меня нет денег.

– Я вам одолжу, – отрезала она. – Вы теперь моя студентка. Единственная, между прочим. Я не могу позволить, чтобы вы над собой издевались.

Она подхватила с пола мои почти не ношенные туфли и точным броском отправила в ближайший артефакт-утилизатор, который только этого и ждал, чтобы довольно заурчать и захлопнуться. Я даже ахнуть не успела, как осталась совсем

без собственной обуви.

Фьордина, не обращая внимания на мои возмущенные взгляды, занялась лечением. По ступням побежали прохладные иголки, прогоняя разошедшихся саламандр. Стало намного легче.

– Спасибо.

– Не за что, девочка, это моя работа. Фуэнтес! – рявкнула она почти мне в ухо.

На ее вопль прибежал телепортист, с которым я уже познакомилась.

– Фуэнтес, – сказала она намного тише, – возьмите чемодан фьорды Кихано и отнесите нашему коменданту. Скажите, что мы скоро подойдем. Фьорде нужно жилье поближе ко мне, пусть подберет.

– Фьордина Каррисо, я дежурный, – попытался отказаться телепортист. – А если срочный вызов?

– Вот и повод не болтать по дороге, а быстро вернуться, – заявила она. – Срочный вызов? Скажете тоже! Думаете, нас завалят будущими медсестрами?

– Чтобы завалить, и одной достаточно.

Он, наверное, вспомнил мое прибытие через телепорт.

– Фуэнтес, – ледяным тоном сказала фьордина Каррисо, – взяли чемодан и бегом выполнять мой приказ. Чтобы к тому времени, как мы с фьордой Кихано подошли, все было готово. А то дежурить в следующий раз будете в уборной.

Телепортист понял, что дама шутить не настроена, под-

хватил чемодан с моими вещами и рысью направился в сторону, пока мне неизвестную. Проводила я его настороженным взглядом. Вещей было мало, и не хотелось потерять последнее. Но моего мнения никто не спрашивал. Пришлось утешить себя мыслью, что лейтенант Фуэнтес уже проявил благородство, предложив свою постель, а значит, вряд ли позарится на мою собственность.

Глава 5

Единственное, что меня беспокоило в выданных тапочках, – не потеряю ли я их по дороге. На фоне обуви, которая стремилась сбежать при любом удобном случае, померкли даже мысли, не позорю ли я честь семьи подобным видом. Вот если потеряю – точно опозорю. Хорошо, магазин совсем недалеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.